

Эмигрантская печать революционных народников 70-х годов XIX века

Вольная русская печать, замолкнувшая было с прекращением «Колокола» и журнала Н. И. Утина «Народное дело», вновь обрела голос в 1873 году с появлением журнала «Вперед!». Основание его послужило толчком к возникновению других эмигрантских изданий: «Работника», «Набата», «Общины». Эти органы печати были созданы в тот период, когда русское революционное движение существенно изменилось по сравнению с шестидесятыми годами. Именно в начале семидесятых годов стали осуществляться мечты шестидесятников: революционеры «пошли в народ», движение стало действенным и, казалось, уже близка к осуществлению давняя цель — крестьянская революция.

В предыдущие годы несколько попыток возрождения нелегальных изданий за границей оканчивались неудачей. Г. Н. Вырубов писал П. Л. Лаврову, что идея издания нового журнала бессмысленна, что всем известна судьба прежних изданий, «которые падали среди всеобщего молчания». «Жалко мне только, — писал Вырубов, — что потратите на это дело и убьете на бесполезную работу и время, и силы»¹. В унисон с Вырубовым высказывался и Г. З. Елисеев. Летом 1872 г. он писал Лаврову: «В настоящее время в России нет таких смелых и сильных талантов, которые могли бы дать силу и цвет заграничному изданию и настолько его выдвинуть, чтобы могла образоваться в России значительная фракция людей, ему сочувствующих»². Елисеев просил Лаврова потерпеть немного, и правительством разрешит ему возвратиться в Россию. «Оно ведь ожидало, — писал он, — что, выехав за границу, Вы начнете действовать, как Герцен»³. Тем выше должны быть оценены упорство и настойчивость революционеров, давших вольной русской прессе за границей новую жизнь.

В числе названных печатных органов революционного народничества самыми солидными и хорошо поставленными

изданиями были, безусловно, журнал и газета «Вперед!». Как в свое время писал известный публицист Б. Б. Глинский, «Вперед!» являлся после герценовского «Колокола» наиболее влиятельным и авторитетным печатным органом русской эмиграции»⁴. На это же указывал исследователь творчества П. Л. Лаврова Александр Гизетти. По его словам, «Вперед!» поднимается головою выше прочих революционных изданий тех лет»⁵.

Благотворный опыт герценовского «Колокола» отразился на всех эмигрантских изданиях семидесятых годов. Направляя в начале февраля 1873 г. А. Л. Линева в Женеву для переговоров с Н. П. Огаревым, П. Л. Лавров просил у последнего полный комплект «Колокола», чтобы пользоваться им как образцом при издании нового нелегального журнала. Лавров писал: «Мне говорили, что у Вас есть полный экземпляр «Колокола», который был бы очень нужен и полезен здесь»⁶. Ради традиции знаменитого журнала издатели «Вперед!» хотели даже снять в Цюрихе бывшую квартиру А. И. Герцена, но это намерение не удалось осуществить⁷. Когда началась подготовка к изданию журнала «Вперед!», секретарь редакции В. Н. Смирнов писал А. С. Бутурлину: «Я свято верю, что нашему журналу предстоит самое светлое будущее. Помните Вы, что было в конце пятидесятых и в начале шестидесятых годов, когда в туманах Англии звонил герценовский «Колокол»? На «Колоколе» воспиталось много из тех людей, на плечах которых утвердился наш журнал, которые и словом и делом служат в России тем идеям, пропагандистом которых будет «Вперед!». «Колокол» облегчил наш путь»⁸.

Заграничные печатные органы революционного народничества активизировали деятельность русской политической эмиграции. Вокруг редакций газет и журналов собирались большие эмигрантские колонии, которые поддерживали тесные связи с революционными кружками в России. Эти колонии стали опорными пунктами русских революционеров за границей. При всем различии программных направлений «Вперед!», «Работника», «Набата» и «Общины» всех их объединяла непримиримость к самодержавному произволу, революционный пафос и готовность до конца отдаться идеям освобождения народа. Эти издания были подлинным детищем своего времени, отразив на своих страницах все своеобразие эпохи 70-х годов XIX в., насыщенной жаркими дискуссиями между представителями трех течений русской революционной мысли — лавристами, бакунистами и якобинцами. Взятые воедино, эти

органы печати дают точный слепок истории освободительного движения тех лет, а также позволяют проследить специфику развития революционной эмигрантской печати.

§ 1. Журнал и газета «Вперед!»

Журнал П. Л. Лаврова «Вперед!», а затем и газета того же названия были первыми по времени изданиями народнической нелегальной журналистики. Они в значительной степени определили на многие годы характер и форму других революционных органов печати. Поэтому есть все основания именно на примере «Вперед!» составить модель для исследования последующих изданий, обнаруживающих много сходных черт и очевидную преемственность с журналом П. Л. Лаврова. Вместе с тем, несмотря на, казалось бы, лучшую изученность истории «Вперед!», она таит в себе много неизвестных страниц, что также близко связывает ее с другими народническими органами печати и в конечном счете способствует лучшему их изучению и пониманию. Чрезвычайно показательна в этом смысле история основания «Вперед!».

В очерке истории журнала, опубликованном в упомянутом уже архиве В. Н. Смирнова, Б. Сапир пишет: «Возникновение «Вперед!» покрыто дымкой тайны. Загадочность его происхождения усугубляется неосведомленностью тех, кому, как будто, следовало бы знать, откуда взялся их собственный орган»¹. С этими словами нельзя не согласиться. Действительно, в литературе до сих пор не было определенного мнения относительно истории основания и издания журнала «Вперед!». Мотивированная ясность отсутствует как в воспоминаниях лиц, непосредственно участвовавших в редактировании журнала², так и в исторических исследованиях. Подготавливая к печати свои мемуары, Н. Г. Кулябко-Корецкий писал 7 января 1930 г. Ф. И. Витязеву: «Боюсь, что они не вполне оправдают Ваши ожиданий, так как не выясняют двух важнейших моментов истории лавристовского журнала «Вперед!»: возникновения его и ухода П. Л. из редакции, оставшихся вне поля моих наблюдений»³.

Б. П. Козьмин считал, что мысль об издании журнала зародилась одновременно среди эмигрантов и в петербургском кружке последователей Лаврова — лавристов. Кружки вступили в сношения с «чайковцами» и с их помощью начали издание журнала⁴. По мнению Э. А. Корольчук, основателем

«Вперед!» стал кружок Л. С. Гинзбурга, получивший содействие некоторых «чайковцев»⁵. Н. К. Каратаев писал, что инициатива создания «Вперед!» принадлежит «чайковцам» и «другим русским революционным группам»⁶. К сожалению, неясно, что подразумевал Н. К. Каратаев под этими «группами». Точно так же не выяснилось окончательное мнение по истории возникновения «Вперед!» и в других работах советских исследователей, в той или иной степени связанных с данным предметом.

Много новых догадок и предположений по этому вопросу высказал и Б. Сапир. Часть этих предположений, на наш взгляд, вполне логична и аргументирована, другие же требуют критического осмысления. «Идея создания русского социалистического органа, — пишет Сапир, — вне досягаемости третьего отделения носилась в воздухе. С разных сторон, различные группы и лица в ряде пунктов предпринимали шаги в одном и том же направлении»⁷. Действительно, в начале семидесятых годов вопрос об основании нелегального заграничного журнала волновал все революционные кружки.

Активную деятельность в этом направлении развернуло Большое общество пропаганды («чайковцы»). Известно, какое большое внимание уделяло общество «книжному делу», изданию сочинений русских и зарубежных мыслителей, выпуску «народных книжек». Но для теоретического руководства движением настоятельно необходимо было создание заграничного нелегального органа. Молодежь искала разрешения злободневных вопросов, нащупывала пути и средства борьбы с самодержавием. Петербургский кружок Большого общества пропаганды начал деятельную подготовку к изданию заграничного журнала. Стали подыскивать кандидатуру редактора. Переговоры с Н. К. Михайловским и В. В. Берви-Флеровским не дали желаемых результатов⁸. После этого «пропагандисты» остановили выбор на П. Л. Лаврове⁹. С осени 1871 г. они начали сбор средств на издание журнала и к весне 1872 года в Петербурге по подписке было собрано 8 тысяч рублей¹⁰.

Однако эти и некоторые другие факты еще вовсе не говорят за то, что журнал «Вперед!» был именно тем изданием, которое собирались начать «пропагандисты». Большие аресты и ссылка энергичного М. А. Натансона не позволили «пропагандистам» довести до конца начатое дело. Их можно считать инициаторами только в смысле самой идеи издания заграничного журнала, основание же «Вперед!» главным образом связано с петербургским кружком лавристов, руководимым

Л. С. Гинзбургом. Хотя Большое общество пропаганды не осталось в стороне от этого дела и оказывало основателям «Вперед!» активную помощь и поддержку¹¹.

Приступая к организации заграничного журнала, кружок не мог рассчитывать только на собственные силы. Гинзбург был дружен с активными членами Большого общества пропаганды М. А. Натансоном, Н. В. Чайковским и другими. Безусловно, он знал о приготовлениях «пропагандистов» к изданию нелегального журнала и, очевидно, стремился объединить усилия обоих кружков. Поэтому П. Ф. Байдаковский по поручению Гинзбурга вел прямые переговоры с В. М. Александровым, заведующим женевской типографией «пропагандистов». Он намеревался поручить Александрову печатание журнала и транспортировку его в Россию¹². В. М. Александров, в свою очередь, хотел привлечь к изданию С. Г. Нечаева, но принципиальные расхождения с последним в программе и методах борьбы вызвали протест со стороны основателей журнала. 29 мая 1872 г. С. А. Подолинский писал Лаврову из Цюриха в Париж: «О сношениях с Нечаевым не может быть и речи, но это еще не должно отстранять содействия Александрова и его кружка, потому что... этот кружок один из лучших в России!»¹³.

Некоторые исследователи, например, Петр Витязев, а вслед за ним Б. П. Козьмин и И. С. Книжник-Ветров¹⁴ считали, что П. Л. Лавров по своим убеждениям и склонностям не подходил для такого практического революционного дела, как ведение журнала, что он долго сомневался, прежде чем принять на себя редакторские обязанности. В письме к Е. А. Штакеншнейдер от 22 апреля 1873 г. Лавров подробно объяснил мотивы своего решения. «Для чего же, спрашивается, — писал он, — я мог бы отказаться от дела, которое я считаю полезным, совсем не безнадежным, а главное нравственно обязанным для себя, как только я к нему вызван?»¹⁵. Здесь же П. Л. Лавров отмечал: «Хотя тогда... я имел и личную жизнь, крепко сросшую со мною, хотя я знал, что много неприятностей, расстройств в этой жизни и расстройств материальных принесет мне решимость моя. Я чувствовал, что я должен идти, и пошел, не колеблясь»¹⁶.

Предложение о редактировании «Вперед!» окрылило его. Лавров без колебаний согласился на это предложение, хотя и знал, что участием в заграничном нелегальном издании он навсегда отрежет себе путь в Россию. Он хотел быть полезным русской революционной молодежи своими знаниями, опытом,

обширными связями, которые у него имелись на Западе. Сначала Лавров думал, что предложение исходит от радикальных литературных кругов России, что они хотят иметь за границей свой печатный орган. В соответствии с этим мнением и была составлена первая программа¹⁷. Когда же это предложение не подтвердилось, когда С. А. Подолинский и другие подробно информировали Лаврова, что журнал будет издавать новая русская революционная молодежь, Лавров решил привлечь к участию в журнале М. А. Бакунина и его сторонников, чтобы тем самым попытаться объединить революционные течения России в единое целое. С этой точки зрения была написана вторая программа. Но союза с бакунистами не получилось, потому что они требовали равноправного участия в журнале, равной возможности для пропаганды своих идей, на что редактор не мог согласиться, так как понимал, что журнал не может существовать на двух взаимоисключающих друг друга основах. Наконец, была составлена третья программа — она всецело отразила точку зрения самого П. Л. Лаврова, всецело была согласна с его философскими и политическими взглядами.

Мы не станем анализировать и сравнивать две первые программы, так как этот вопрос был сравнительно недавно хорошо освещен в статьях Г. М. Лифшица¹⁸. Отметим только, что в основных положениях эти программы не имели существенных расхождений. Для нас важнее доказать и аргументировать тот факт, что не политическая непоследовательность Лаврова явилась причиной появления трех вариантов программы, но только необоримое желание редактора «Вперед!» объединить усилия всех русских революционеров в борьбе против самодержавия, выработать единую программу действий, дать одно знамя движению. На протяжении своей многолетней политической деятельности П. Л. Лавров всегда руководствовался этим принципом, всегда искал активные силы в различных революционных течениях России и Европы. «Я считаю своим долгом, — говорил он, — помогать той партии *действия*, которая имеется в данный момент налицо, хотя бы далеко не во всем соглашался с нею... я всегда был и буду с теми, которые *действуют*, борются, а не с теми, что сидят у моря и ждут погоды»¹⁹ (выделено П. Л.).

Лавров не желал доводить дело до открытого разрыва с Бакуниным. Враждебное отношение к известному революционеру не встретило бы одобрения и поддержки в русских

революционных кружках и группах. Имея это в виду, зная о большом влиянии бакунистов среди русской молодежи²⁰, П. Л. Лавров решил договориться с ближайшим сотрудником Бакунина М. П. Сажиным и начать сообща издание журнала, «чтобы устранить по возможности всякую явную враждебность...»²¹ Лавров предлагал Сажину заведовать всей организационной стороной: транспортировкой, адресами, связями. Сажин же в своих воспоминаниях претенциозно осветил этот момент. Он писал: «Петр Лаврович даже предложил совместное редактирование журнала»²². На самом деле Лавров твердо стоял за единоличное редактирование. Воспоминания П. Л. Лаврова по этому вопросу дополняются архивными документами. 16 декабря 1872 года В. Н. Смирнов писал А. С. Бутурлину, что в этот день состоялись окончательные переговоры между Лавровым, Подолинским, Смирновым, с одной стороны, и Россом, Эльсницем и Гольштейном — с другой. «Петр Лаврович поставил необходимым условием нераздельно ему принадлежащую редакцию, Росс от своего кружка поставил необходимым условием разделяемость редакции между Лавровым и представителем кружка»²³. Слияние двух предполагаемых журналов не удалось, и сторонникам Лаврова осталось положиться на собственные силы.

Сразу остро встал денежный вопрос. Лавров писал, что каждый член общества основателей «Вперед!» обязан заниматься «доставлением в кассу издания денег за продажу экземпляров или вкладов от лиц сочувствующих». Особенно с большими трудностями в этом отношении основатели журнала столкнулись в первые месяцы. Надо было обеспечить деньгами сотрудников, купить типографию, бумагу, краски, арендовать помещение, наладить транспортировку изданий в Россию — все это вместе взятое требовало огромных средств. Первый вклад в 3000 рублей обязался внести П. Ф. Байдаковский²⁴. Но он долго тянул дело. И главным организатором по сбору средств летом-осенью 1872 г. становится С. А. Подолинский. В сентябре он выехал в Киев и Одессу, где собирал деньги от сочувствующих лиц. Одновременно Подолинский выделил некоторую часть средств из своего состояния. В начале 1873 г. с этой целью в Россию ездила и Р. Х. Идельсон. Именно о ней писал Лавров: «...одна из моих новых молодых приятельниц поехала в Россию добывать материальную поддержку с речательством продолжать ее в будущем и вернулась очень быстро с блестящим успехом»²⁵. Но все-

таки главные средства добывались иным путем. На протяжении всех лет издания деньги в основном доставлялись петербургским кружком лавристов, и в первую очередь Львом Савельевичем Гинзбургом²⁶. У него были широкие знакомства в кругах либеральной интеллигенции²⁷. Он поддерживал тесные связи с другими народническими кружками. Через Гинзбурга с начала 1873 г. денежную помощь издателям «Вперед!» стали оказывать «пропагандисты»²⁸. К середине февраля 1873 г. в распоряжении редакции было уже 5 000 франков²⁹. А к концу года издатели рассчитывали иметь 10 000 франков³⁰. Но и первоначальные расходы были большими. Только на типографию пришлось истратить 2000 франков³¹.

Большие суммы в кассу журнала внесли сочувствующие программе и почитатели П. Л. Лаврова: сестры Субботины (около 2000 франков)³², Д. А. Соловьев³³, сестры П. Л. и Н. Л. Каргановы³⁴, В. М. Ильин³⁵ и многие другие³⁶. Постоянно оказывал денежную поддержку журналу А. С. Бутурлин³⁷. Активными сборщиками средств для изданий «Вперед!» были Г. А. Лопатин и его жена З. С. Корали. В одном из писем П. Л. Лаврову она сообщала: «Мне удалось уже собрать с добрых людей 300 рублей»³⁸. Сведения об этом есть и в других ее письмах³⁹.

Через Г. А. Лопатина делал свои вклады в фонд изданий «Вперед!» также И. С. Тургенев. Когда в феврале 1874 года Лавров рассказал Тургеневу о том одушевлении, которое царит среди русской молодежи, как нужен ей революционный печатный орган, Тургенев тотчас «высказал свою готовность помогать этому изданию»⁴⁰. На другой день 21 февраля И. С. Тургенев прислал П. Л. Лаврову письмо: «...с удовольствием буду давать ежегодно 500 франков до тех пор, пока поддержит Ваше предприятие, которому желаю всяческого успеха, 500 франков за 1874 год при сем прилагаю»⁴¹. Через год, 29 марта 1875 г., он сообщал Лаврову: «Вы уже, вероятно, знаете от Лопатина, что я исполнил свое обещание на нынешний год и вручил ему известную сумму»⁴².

Но несмотря на эти, казалось бы, большие материальные средства, издательство «Вперед!» все время жило под угрозой денежного голодания. Положение особенно усугубилось в последние два года (1876—1877). Слишком велики были расходы. Издание стоило в год 5—6 тысяч рублей⁴³. А всего за пять лет, по словам Г. А. Лопатина, было истрачено 25 тысяч рублей⁴⁴.

После приобретения типографии с конца апреля 1873 го-

да начался набор первой книжки журнала⁴⁵. В эти первые месяцы самоотверженно работали в типографии цюрихские студентки Бардина, Фигнер, Александрова, Н. Сушина, Каминская, сестры Любатович и Субботины — девушки, большинству из которых через три года суждено было предстать перед царским судом по процессу «50-ти» и которые навечно вписали свои имена в летопись революционного движения семидесятых годов XIX века. Тогда же учились типографскому делу и набирали журнал братья Н. Г. и А. Г. Кулябко-Корецкие, Д. М. Лыткин, Д. А. Соловьев⁴⁶. Оказывал помощь в наборе и Л. Б. Гольденберг. Дело, что называется, закипело.

Первый том вышел из печати 13 августа 1873 г. И сразу же начался набор второго. К середине сентября было набрано уже несколько печатных листов⁴⁷. Книжки разослали в Германию, Австрию, Англию, Францию, Бельгию⁴⁸. За несколько месяцев до этого во многие социалистические газеты Европы была отправлена для опубликования программа журнала⁴⁹. Сразу после выхода первого тома в одном из ближайших номеров газеты немецких социал-демократов «Volkstaat» была напечатана рецензия «Новый социалистический журнал»⁵⁰. В свое время газета опубликовала и программу «Вперед!»⁵¹. Рецензент дал подробную характеристику отделов журнала, важнейших теоретических статей его: «Знание и революция», «Счеты русского народа» и др. На примере статей и корреспонденций «Вперед!» он знакомил «немецкий рабочий мир» с положением дел в России. «Лучшая часть образованных классов, — писал рецензент, — идет в широкие массы народа и появляется там не в качестве вождей и деятелей, а в качестве простых носителей науки и революции...»⁵². Отзыв этот о первой книжке «Вперед!» был в высшей степени благоприятным и доброжелательным.

Между тем к концу 1873 года цюрихская колония русских почти опустела, так как большинство учащихся последовало указанию правительства и вернулось в Россию. Вследствие этого Цюрих стал для русской эмиграции обыкновенным городом. Издание «Вперед!» решено было перенести в Лондон, в город, откуда долгие годы посылал в Россию горячие призывы и статьи А. И. Герцен, где жили тогда вожди международного рабочего движения К. Маркс и Ф. Энгельс. Переезд осуществился в марте 1874 года.

Именно в это время в России началось «хождение в народ». Сотни и сотни молодых людей, переодевшись в крестьянскую

одежду, под видом плотников, каменщиков, лесорубов, мастеровых отправились в деревню. Горячим словом революционной проповеди, обличением самодержавного произвола они хотели поднять на революцию огромную крестьянскую массу, народ, которого все они считали своим божеством, с которым связывали надежду будущей обновленной России. Повсюду в стране возникали новые и новые народнические кружки, революционная партия обретала новых сторонников.

В это время как никогда вырос авторитет журнала «Вперед!» — единственного в ту пору нелегального издания, откуда молодежь черпала сведения о революционных событиях в России и Европе. Непериодические издания «Вперед!» не могли поспеть за быстрым развитием событий; важная информация о пропаганде, обысках и арестах скоро устаревала, так как отовсюду поступали новые, еще более поучительные и интересные известия. Из месяца в месяц увеличивался приток корреспонденций в редакцию «Вперед!». Они требовали скорейшего опубликования в силу важности сведений, сообщаемых в них. Редакция не могла допустить, чтобы материал устаревал, чтобы из-за этого потерять своего корреспондента зачастую безымянного. Для любого печатного органа забота об авторском активе является первостепенной, тем более это касалось «Вперед!», журнала нелегального, оторванного от Родины, отгороженного от своих сторонников армией полицейских и жандармов. Кроме того, практика показала, что толстые книжки журнала неудобны для распространения, они не могли завоевать себе широкую географию и оседали, главным образом, в больших европейских городах России. В третьем томе «Вперед!», вышедшем в Лондоне в декабре 1874 г., П. Л. Лавров писал в редакционном примечании: «Сознаем неудобство таких толстых книг»⁵³.

Принимая во внимание все эти факты, решено было перейти к двухнедельному периодическому обозрению. 3 января 1875 г. появился первый номер газеты «Вперед!», которая выходила два последующих года с завидной точностью: 1 и 15 числа каждого месяца. Всего в 1875—1876 гг. вышло 48 номеров. Причем редакция не отказалась и от прежней формы издания: в 1876 г. вышел IV том «Вперед!» (книга П. Л. Лаврова «Государственный элемент в будущем обществе») и в 1877 г. — V том. Однако преобладающей формой издания в 1875—1876 гг. была газета. Читатели встретили ее благожелательно. Например, известный эмигрант В. М. Озеров писал

Н. П. Огареву, что «редакция умно поступила», решив издавать газету вместо толстого журнала⁵⁴.

С переездом в Лондон П. Л. Лавров возобновил свое знакомство с К. Марксом. Исчезла некоторая натянутость отношений между двумя мыслителями, которая было наметилась в результате борьбы двух течений I Интернационала и особой позиции Лаврова между ними. К. Маркс, а вместе с ним и Ф. Энгельс, В. Врублевский, П. Лиссагарэ и другие видные эмигранты стали частыми гостями кружка «Вперед!»⁵⁵. В свою очередь П. Л. Лаврова с радостью принимали в доме Маркса⁵⁶. Лавров иногда посылал на отзыв Марксу и Энгельсу свои передовые статьи. Ф. Энгельс, например, дал подробную характеристику статье П. Л. Лаврова «Социализм и борьба за существование», опубликованной в № 17 газеты «Вперед!» от 15 сентября 1875 года. Оценивая взгляды Лаврова на учение Дарвина и развитие человеческого общества, Ф. Энгельс писал, что их точки зрения на эти вопросы сходятся: «... мои замечания относятся скорее к форме, к методу Вашей критики, чем к ее существу»⁵⁷.

Маркс же непосредственно информировал П. Л. Лаврова о финансовых и политических тайнах русского правительства, и эти его сведения публиковались в газете «Вперед!». 21 октября 1876 года он сообщил Лаврову, что «отвратительная русская клика» собирается издавать в Лондоне провокационную газету «Гражданин». Здесь же Маркс писал об искусственной поддержке русским правительством курса рубля на Лондонской бирже. Это письмо было опубликовано в № 44 газеты «Вперед!» от 2 ноября 1876 года. А 23 октября 1876 г. Н. Г. Кулябко-Корецкий писал В. Н. Смирнову следующее: «Маркс имеет какие-то сношения с людьми, знающими закулисную сторону русской политики. Он мог бы, вероятно, много интересного сообщить нам. Заметка о прекращении выплат субсидий железным дорогам в последнем номере сообщена была Петру Лавровичу Марксом...»⁵⁸. Эти сведения были опубликованы в корреспонденции «Из Петербурга» в № 43 газеты «Вперед!» от 15 октября 1876 г.: «Только что дошел до меня слух, будто правительство в нынешнем году отказалось уплачивать субсидию железнодорожным компаниям, но это держат в большом секрете и даже, говорят, Рейтерн лично сообщает об этом директорам, а бумаг не пишут. Эту мысль приписывают Рейтерну и Милютину, хотя оно, как будто, сомнительно»⁵⁹.

Это живейшее участие К. Маркса и Ф. Энгельса в делах

журнала и газеты «Вперед!» не могло не сказаться на издании самым благоприятным образом. «Сближение в Лондоне с Марксом, — писал впоследствии Лавров, — живые сношения с немецкими социал-демократами дали сторонникам «Вперед!» в Европе прочное положение»⁶⁰.

Важным моментом исследования истории «Вперед!» является установление авторов опубликованных материалов. Изучение состава сотрудников и корреспондентов нелегального органа печати абсолютно необходимо, чтобы написать возможно полную историю его издания. Штат сотрудников определяет физиономию журнала и его теоретическую направленность, а широкая сеть корреспондентов позволяет судить о том, какие кружки поддерживали это издание, какой популярностью пользовалось оно в демократических кругах общества. Установление авторства статей и корреспонденций «Вперед!» сопряжено с рядом больших трудностей. Все они печатались в журнале и газете без подписей. Имена авторов не указаны даже в рукописях, часть которых сохранилась в архивных комплектах номеров газеты «Вперед!». В целях конспирации многие корреспонденции писались на тонкой папиросной бумаге, и в силу этого литературные сотрудники редакции, в первую очередь П. Л. Лавров и В. Н. Смирнов, часто вынуждены были переписывать их, прежде чем отправить в набор. В «Записке» об основании «Вперед!» отмечалось, что агент, доставивший корреспонденцию, может не говорить имени корреспондента даже редактору. «Все корреспонденции и статьи, посылаемые прямо в редакцию, распечатываются самим редактором, который один знает, от кого и откуда получены статьи и письма этого рода, может и не сообщать о их источниках другим лицам...»⁶¹. Редакция строго охраняла тайны своих корреспондентов, оттого случаи провалов были очень редки. Все эти обстоятельства чрезвычайно осложняют разыскание сотрудников журнала и газеты «Вперед!».

Большую и полезную работу проделал в этом отношении составитель архива В. Н. Смирнова Б. Сапир. Он провел полную выборку по всей переписке редакции, использовал с этой целью личные фонды П. Л. Лаврова и Г. А. Лопатина, хранящиеся в Международном Институте социальной истории. Рассматривая сотрудников в порядке их активности и значимости в издании «Вперед!», Сапир сопровождает каждого краткими характеристиками. Большое внимание он уделяет самому редактору. Помимо оценки его собственного пуб-

лицистического дарования, Сапир анализирует редакторскую деятельность Лаврова. Этот момент в политической биографии редактора «Вперед!» и «Вестника «Народной воли» до сих пор не получил в литературе сколько-нибудь полного освещения. Сапир справедливо отмечает: «Лавров умел подбирать себе помощников, заражать их верой и внушать им энтузиазм, позволявшие преодолевать большие препятствия»⁶².

Блестящий список сотрудников «Вперед!» вполне подтверждает эти слова: В. Н. Смирнов, Л. С. Гинзбург, Г. А. Лопатин, Д. А. Клеменц, А. И. Иванчин-Писарев, С. М. Кравчинский, Д. И. Рихтер и другие лучшие представители поколения 70-х годов. Указатель сотрудников и корреспондентов «Вперед!» будет теперь незаменимым справочником для всех, кто обратится к нелегальному журналу, статьи которого в большинстве своем утратили ныне безымянность. Однако в этот указатель нужно внести дополнения и коррективы.

Б. Сапиру остались неизвестными интересные корреспонденции Л. С. Гинзбурга о положении рабочего класса: «Из села Александровского», «Из жизни петербургского рабочего люда», «Волнения на заводе Семянникова»⁶³. Петербургский кружок лавристов вел пропаганду среди рабочих. Гинзбург хорошо знал условия труда и быта их, что и отразилось в корреспонденциях. Он выражал твердую уверенность в том, что скоро рабочие разберутся в своем положении, поймут, что двуглавый орел самодержавия есть символ грабежа и произвола; пока они бьют стекла конторы и ломают мебель хозяев, но придет время, и рабочие сбросят с ворот фабрики двуглавого орла. «Да, здесь почва удобная для пропаганды социальной революции, — писал Л. С. Гинзбург, — но в этом смысле мы еще очень мало сделали. Мы еще даже не пользуемся такими моментами, как беспорядок фабричный и грабительство сборщиков по деревням, а ведем пока дело беспорядочно, нестройно»⁶⁴. Постановка вопроса о пропагандистской работе на фабриках и заводах, об использовании волнений и беспорядков для развертывания революционной борьбы была, безусловно, очень важной. Детальное рассмотрение этих «рабочих» корреспонденций Гинзбурга представляется нам весьма любопытным для характеристики идейной позиции петербургского кружка лавристов.

Точно так же не упомянуты Сапиром некоторые статьи и корреспонденции Д. А. Клеменца: «Из жизни села Павлова» («Вперед!», 1875, № 9)⁶⁵, «Из Петербурга» (№ 12),⁶⁶ «Из Петербурга» (№ 16)⁶⁷, «По поводу Дьяковского дела

(№ 18)⁶⁸. Особенно интересна среди них корреспонденция «Из жизни села Павлова». Она в некотором роде предвосхищает известные «Павловские очерки» В. Г. Короленко. Клеменц описывал жестокую эксплуатацию павловских кулаков, труд по 16 часов в сутки и всеобщее засилье кулаков-скупщиков, то есть те же условия, те же формы эксплуатации, которые впоследствии подробно охарактеризовал В. Г. Короленко.

Первые сведения о сотрудничестве Д. А. Клеменца относятся к концу 1874 г. Избежав ареста после «хождения в народ», Клеменц выехал за границу и на некоторое время поселился в Берлине. Берлинские письма его Лаврову говорят о том, что он начал писать во «Вперед!» еще будучи в России. В частности, в статье «Государство в опасности!»⁶⁹ были опубликованы выдержки из корреспонденции Клеменца об арестах среди петербургских рабочих⁷⁰.

Как же складывался круг сотрудников и корреспондентов «Вперед!»? С первых дней организации журнала П. Л. Лавров решил привлечь к изданию известных радикальных и демократических литераторов. Из опыта прошлой редакторской работы в «Энциклопедическом словаре» и «Заграничном вестнике» он хорошо знал, что журнал не может рассчитывать на успех без поддержки крупных литературных сил. Располагая широкими связями среди писателей, профессоров университетов и общественных деятелей, Лавров предполагал найти в них своих помощников. Он написал десятки писем с предложением о сотрудничестве. Для участия в журнале приглашались Н. К. Михайловский, Н. П. Огарев, Г. З. Елисеев, В. А. Зайцев, М. П. Драгоманов, Н. И. Зибер и многие другие писатели. Каково же было удивление Лаврова, когда от большинства из них пришел отказ. Вполне определенное согласие дали только Огарев и Зайцев. Последний обещал прислать «сюжеты» (т. е. планы. — *И. В.*) своих статей⁷¹. То ли эти «сюжеты» оказались неприемлемыми для Лаврова, то ли сам Зайцев не согласился с программой журнала — неизвестно. Только он также не стал сотрудником «Вперед!».

Более всего огорчил Лаврова отказ Михайловского. В то время Н. К. Михайловский был уже известным литератором и пользовался большой популярностью среди русской молодежи. Его философские взгляды во многом сходились со взглядами Лаврова. В 1870 году в статье «Формула прогресса г. Михайловского» П. Л. Лавров дал самый

благоприятный отзыв на работу Н. К. Михайловского «Что такое прогресс?», назвав ее очень нужной и полезной для развития русского общества. Михайловский отвечал Лаврову, что он не может оставить почву легальной печати, на которой он приобрел известное литературное имя. Ему виделась очевидная польза такой работы с учетом относительно широкого круга читателей. «Я не революционер, — писал Михайловский, — всякому свое»⁷². Тем не менее он желал журналу Лаврова успеха и был уверен, что под его руководством новое нелегальное издание приобретет большой вес.

В связи с этой неудачей Лавров вынужден был искать сотрудников главным образом среди своих молодых товарищей, из которых ни один не имел опыта литературной работы. При этом условия издания нелегального журнала становилось проблематичным. Только сам Лавров был профессиональным литератором, пользовался большой известностью как философ и публицист. В 1872—1873 г. П. Л. Лавров, С. А. Подолинский, В. Н. Смирнов ведут широку переписку для привлечения к изданию талантливой молодежи. Подолинский пригласил сотрудничать во «Вперед!» сербского демократа Святозара Марковича, М. Г. Цебрикову и несколько украинских радикалов⁷³. В. Н. Смирнов привлек к журналу своих товарищей Д. И. Рихтера, Д. К. Лыткина, К. А. Иванова⁷⁴.

Между тем редакции особенно важно было подыскать корреспондентов в России. «Журнал будет держаться именно сотрудниками из России»⁷⁵, — писал В. Н. Смирнов А. С. Бутурлину. Главную работу по привлечению корреспондентов к журналу «Вперед!», помимо членов редакции, вели кружки лавристов и Большое общество пропаганды. В тех же письмах Бутурлину Смирнов писал в начале марта 1873 г.: «По слухам из России (конечно, верным), число распространителей, сотрудников и корреспондентов растет. Между прочим, сделано важное приобретение — имеем хороших корреспондентов в нескольких фабричных центрах»⁷⁶. Редакция использовала все возможности для приобретения сотрудников и корреспондентов. В ноябре 1874 г. перед отъездом С. И. Бардиной в Россию В. Н. Смирнов писал ей: «Мы обращаемся к Вам с просьбой, с какою мы обращаемся ко всем нашим друзьям; сообщайте нам как можно больше подходящих сведений о русской жизни для помещения их в журнале»⁷⁷. Подобные письма посылались и

другим цюрихским учащимся и студенткам, уезжавшим на Родину.

С широким распространением «Вперед!» быстро увеличилось и число корреспонденций. Приток их особенно возрос в 1876 г. в связи с тем, что газета проникала в самые отдаленные уголки России, у нее уже сложился довольно большой и разнообразный по составу круг читателей. В передовой статье последнего, 48 номера газеты «Вперед!» П. Л. Лавров, оценивая четырехлетнюю работу редакции, писал: «Работая далеко от родины, редакция «Вперед!» лишь тогда могла почувствовать, что «Вперед!» есть действительно русский (выделено П. Л.) орган, когда в ее портфель стали приливать все чаще и чаще корреспонденции из разных концов России, когда на страницах «Вперед!» стал биться явно пульс разных местностей России...»⁷⁸.

По составу сотрудников «Вперед!» можно заключить, что главные литературные силы журнала и газеты подобраны из идейных сторонников Лаврова — лавристов и Большого общества пропаганды. К первым, помимо самого редактора, относились В. Н. Смирнов, Н. Г. Кулябко-Корецкий, Л. С. Гинзбург, Д. И. Рихтер, В. Е. Варзар, А. Г. Либман, В. И. Йохельсон, К. Г. Аркадакский, Д. А. Аитов; ко вторым — Д. А. Клеменц, А. И. Иванчин-Писарев, С. М. Кравчинский, Н. А. Морозов, Н. В. Чайковский. Наконец, третья группа сотрудников состояла из личных друзей Лаврова и поклонников его литературного таланта. К ней можно отнести Г. А. Лопатина, Н. П. Огарева, С. А. Подолинского, Г. И. Успенского, Н. К. Судзиловского-Русселя, В. Н. Черкезова, А. А. Кропоткина.

Как отмечалось ранее, из всех сотрудников «Вперед!» самым выдающимся был, безусловно, П. Л. Лавров. Теоретическое направление издания всецело отражало его философские, экономические и политические знания. Начиная с программы журнала и кончая самой маленькой корреспонденцией из отдела «Что делается на родине?» — все согласовывалось с концепцией Лаврова. В каждом номере журнала и газеты «Вперед!» более половины статей и корреспонденций было написано или обработано самим редактором. Он писал основные теоретические статьи, почти единолично вел первый отдел «Что делается на родине?», много статей и корреспонденций написал по второму отделу — «Летопись рабочего движения».

Статьи П. Л. Лаврова отличаются тонким анализом

ГОС. УЧЕБ. ЧИТ. Д.
БИБЛИОТЕКА 31

Ленинград

03 ... акт

фактов и широкими обобщениями. О чем бы он ни писал — о самарском голоде и студенческих волнениях, либеральной преемственности и преследованиях революционеров — он всегда стремился указать читателю на главного врага русского народа — самодержавие, изобличал вопиющие несправедливости, порожденные экономическим и политическим господством «избранной» касты. Он ясно определял тесную взаимосвязь этих форм господства и видел освобождение народа в обязательном уничтожении той и другой.

Большинство статей Лаврова было основано на десятках корреспонденций сотрудников «Вперед!» и многочисленных извлечениях из правительственных, консервативных и либеральных газет. Записные книжки его тех лет свидетельствуют о том, что редактор «Вперед!» использовал в своей работе все сколько-нибудь примечательные русские газеты и журналы.⁷⁹

Нельзя согласиться с установившейся точкой зрения, что язык произведений П. Л. Лаврова тяжел, а форма изложения отвлеченная, малодоступная восприятию⁸⁰. Возможно, отчасти это верно относительно его философских, научных трудов, что же касается политических статей, то, как правило, написаны они эмоционально, ярким, образным языком: в них присутствуют тонкая насмешка и злая ирония, гнев против произвола властей и радость по поводу успехов революционной пропаганды.

Помимо того, что Лавров обрабатывал большую массу корреспонденций для каждого номера своего издания, он вел огромную редакторскую работу над рукописями молодых сотрудников. Первые статьи Н. Г. Кулябко-Корецкого («Фикции судебной правды»), В. Н. Смирнова («Кто разрушает «основы» общества»), С. А. Подолинского («Очерк развития Международной Ассоциации Рабочих») претерпели радикальную правку Лаврова⁸¹. «Очерк» Подолинского можно привести в пример тому, как благотворно сказывались на молодых литераторах замечания и помощь редактора. Если рукопись первой части «Очерков» пестрит большими многочисленными вставками Лаврова, то во второй части имеются лишь незначительные стилистические исправления.

П. Л. Лавров имел свой, совершенно определенный взгляд на задачи революционной печати. Редактор «Вперед!» считал, что «известия в публицистике имеют не только значение объективных данных, но еще в высшей степени

важны как указатели субъективного настроения личностей и групп под влиянием событий»⁸². То есть не только сами факты, но и общественное мнение, возникающее в связи с ними, даже вымышленные легенды и рассказы способствуют развитию революционных начал в обществе. Особенно, писал Лавров, этим должны пользоваться агитаторы среди народа. Если иной корреспондент под влиянием «общественного настроения и личных чувств» выразил субъективный взгляд на те или иные факты — в этом тоже сама жизнь, момент эпохи. «Публицистика, — отмечал Лавров, — должна быть верным зеркалом жизни не только в ее объективном, но и в ее субъективном элементе. История в свое время отделит эти элементы»⁸³.

Определяя задачи пролетарской публицистики, В. И. Ленин писал: «Мы должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте действия»⁸⁴. Точка зрения П. Л. Лаврова в какой-то степени согласуется с первой частью этого определения В. И. Ленина: задача публицистики — «писать историю современности». Потому что история не есть только факты жизни, но и определенная общественная оценка этих фактов различными классами, группами людей или отдельными личностями.

Но Лавров ошибочно ограничивал задачи заграничного революционного органа разработкой только руководящих принципов движения: «прямые и подробные практические ответы на вопросы: «как быть и что делать?» в революционном деле совсем не могут составлять дело прессы»⁸⁵. Лишь непосредственные участники революционной борьбы в России могут выработать практические способы и методы действия.

Первая книжка журнала открывалась предисловием, написанным П. Л. Лавровым. «Вдали от родины мы ставим наше знамя, знамя социального переворота для России, для целого мира. Это не дело кружка, это дело всех русских, сознающих, что настоящий политический порядок ведет к гибели, что настоящий общественный строй бесцелен исцелить ее раны... Мы — все русские, требующие для России господства народа, настоящего народа; все русские, сознающие, что это господство может быть достигнуто лишь народным восстанием, и решившиеся подготовить это восстание,

уяснить народу его права, его силу, его обязанность»⁸⁶. Редакция с первой строки своего издания заявляла, что целью журнала является подготовка социального переворота. Как готовить этот переворот, что должны делать революционеры, какие конечные цели ставить перед собой — на эти вопросы отвечала программа журнала. «Точные факты — вот основание, на которое мы намерены опираться, безусловная критика — вот орудие, которое мы намерены употребить. Борьба с монополией во всех видах в пользу труда — вот общественная цель, которую мы себе ставим»⁸⁷. Программа не ставит себе целью критику отдельных личностей, министров, губернаторов, чиновников, прежде всего журнал будет бороться «против общественных начал, против несправедливости общественного строя». Но орудия разрешения его «в настоящую минуту различны для России и для Европы»⁸⁸.

Здесь выразилась вера П. Л. Лаврова в крестьянскую общину, в возможность глубоких социальных преобразований на базе ее. Если на Западе, писал Лавров, любая революционная партия стремится к переустройству мира в «пользу рабочего», то в России переворот должен совершиться «в пользу крестьян». К «крестьянской партии» принадлежат и издатели журнала «Вперед!». «Для русского специального почва, на которой может развиваться будущность большинства русского населения в том смысле, который указан общими задачами нашего времени, есть крестьянство с общинным землевладением. Развить нашу общину в смысле общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами, сделать из мирской сходки основной политический элемент русского общественного строя, поглотить в общинной собственности частную, дать крестьянству то образование и то понимание его общественных потребностей, без которого оно никогда не сумеет воспользоваться своими легальными правами — вот специально русские цели, которым должен содействовать всякий русский, желающий прогресса своему отечеству»⁸⁹. Этот ошибочный взгляд П. Л. Лаврова и других идеологов народничества породился надеждой, что русская община может стать зародышем социализма, что в ней существуют коммунистические начала. «Идеализация крестьянина и его общины, — отмечал В. И. Ленин, — одна из необходимых составных частей народничества...»⁹⁰.

Однако Лавров не рассматривал общину как нечто статичное, неизменное. В статьях и корреспонденциях «Вперед!»

неоднократно приводились данные о разложении общины, о выделении из нее кулацкого элемента. Ссылаясь на «Капитал» К. Маркса, П. Л. Лавров писал, что распадение «солидарных групп работников» (т. е. общин. — И. В.) порождает, с одной стороны, частных собственников, стремящихся к обогащению, с другой — массы бездомников — пролетариев. Кулаку «не предстоит еще народиться на Руси», — отмечал Лавров либералу Постникову, — он давно уже налично, и именно в сельском хозяйстве, образуя тех *промышленников землю* (П. Л.), которые смотрят на землю, как все промышленники смотрят на товар: они приобретают его не для собственного употребления, но для перепродажи его. Точно так же у нас теперь стали промышленлять землю... не для обработки ее, а для барышничества ею»⁹¹.

Какие же практические пути к революции пропагандировал «Вперед!»? Как определялись цели революции? В основе деятельности социально-революционной партии должна лежать пропаганда. Лавров подразделял пропаганду на несколько видов: пропаганда в народе, среди новых завербованных товарищей, в обществе, стоящем вне рядов социализма, уяснение задач рабочего социализма самими революционерами. Коль скоро печатная пропаганда в России закрыта, нужно использовать нелегальную литературу, заниматься словесной пропагандой в кружках. Так как грамотность в народе низкая, то при пропаганде в массах предпочтение надо отдавать устному слову. При вербовке же новых членов партии среди интеллигенции главной должна стать печатная пропаганда. Революционное дело не может быть кратковременным увлечением. Всякая защита существующего строя должна встречать резкий отпор со стороны социалистов и должна разбиваться ими. Поэтому пропаганда и агитация требует людей убежденных, последовательных. Надо добиться такого положения, чтобы люди, примкнувшие к партии, вступившие в нее, были прочно связаны с ней, оставались навсегда ее членами. «Надо приобретать сторонников не аффектом, не только на сегодня, но и на завтра»⁹².

Главное внимание Лавров уделял печатной пропаганде. Каждый должен стремиться увеличить количество изданий нелегальной литературы. А когда эта литература еще слаба, надо изучать начала рабочего социализма в кружках. Все могут накапливать и обрабатывать материал, чтобы использовать его при деятельности в народе. Но если социалист имеет литературный талант и ничего не делает для печат-

ной пропаганды, его можно назвать *изменником* (выделено П. Л.) делу социальной революции. Так высоко ценил редактор «Вперед!» печатное слово и так резко ставил вопрос! Нелегальная литература «должна заключать возможно сжатые и общепринятые руководства по всем элементарным вопросам рабочего социализма»⁹³, то есть это руководство по истории, политэкономии, очерки различных общественных систем и положения рабочих, основные сведения о началах рабочего социализма и т. д. Эта литература должна дополняться книжками для народа, написанными в простой и доходчивой форме. Таким образом, будет приобщаться к печатной пропаганде и народ.

Широкая пропагандистская и агитационная работа возможна только с организацией партии. Начало партии должно положить молодежь из интеллигенции. Но пока партия не связана с народом, она есть только «кадр *настоящей* (выделено П. Л.) революционной организации»⁹⁴. Эта организация станет способной на большое революционное дело только тогда, когда деятели из народа будут преобладать в ней (примерно в четыре раза). Складываясь издавна существующих в нацинных и артельных центрах, издавна существующих в народе. Именно здесь образуются группы товарищей-единомышленников, солидарных между собой. «Эти самые группы, как естественные руководители всех разделяющих их убеждения, всех сочувствующих их целям, наконец, всех масс, поднявшихся по их призыву, составляют основную народную федерацию русских революционных общин и артелей»⁹⁵. Группы и личности в федерации сохраняют определенную самостоятельность, чтобы не утвердилась «безответственная диктатура одной группы». Однако все они должны быть соединены «прочувствованной солидарностью» друг с другом. Лавров предполагал, что на таких основаниях партия может стать «стройной и цельной организацией, достаточно искусно связанной во всех своих частях»⁹⁶.

Таким образом, в вопросе строительства партии Лавров исходил из типично народнических теорий крестьянской революции и крестьянского социализма. Он не разделял рабочих и крестьян на отдельные классы, а объединял в класс обездоленных работников-пролетариев города и деревни. А коль скоро подавляющее большинство этих работников составляли крестьяне, то главное внимание уделялось общинам. Этим общинам Лавров уподоблял и рабочие артели. Пропаганда принципа организации партии на федеративных нача-

лах являлась, несомненно, слабой стороной теоретических выводов Лаврова. Федерализм был свойствен революционному народническому движению 70-х годов XIX века, не избежал его и Лавров в одном из важнейших вопросов — строительства партии. Здесь, пожалуй, заметно влияние бакунизма, во всяком случае, по этому пункту своей программы Лавров близко стоял к Бакунину и совершенно расходился с Ткачевым. Не признав необходимости диктатуры рабочего класса — самого революционного класса эпохи, — Лавров не принял и принципа демократического централизма при организации партии, что, несомненно, ослабляло теоретическую платформу журнала и газеты «Вперед!». Однако сама идея создания именно народной партии была ценной, а постоянная пропаганда этого лозунга воспитывала революционную молодежь и сближала ее с народом.

На этих основных принципах и зиждилось издание «Вперед!». Все сотрудники в той или иной степени признавали программу журнала и придерживались ее в своем творчестве.

Вторым, после П. Л. Лаврова, сотрудником «Вперед!» был В. Н. Смирнов, который вел такую работу, которая по силу разве что целому штату сотрудников: секретарские обязанности в журнале, переписка корреспонденций для очередного номера, заботы о связях с Россией, ведение переводки «Вперед!» и финансов, наконец, собственное публицистическое творчество в журнале — все это приводит нас к выводу о том, что до сих пор в нашей литературе не воздано по заслугам этому видному революционеру-семидесятнику, талантливому публицисту вольной печати. По русским социально-революционным вопросам он опубликовал в журнале три большие статьи: «Революционеры из привилегированной среды», «Кто разрушает «основы» общества» во втором томе и «Солдатчина» — в третьем. В 1875 г. Смирнов написал для 8 и 9 номеров газеты передовые статьи «По санитарному вопросу», «Голодные и сытые».

Эти большие произведения носили самостоятельный теоретический характер. За три предыдущих года эмиграции В. Н. Смирнов основательно изучил международное рабочее движение, хорошо знал историю Интернационала и Парижской Коммуны⁹⁷. Статья «Кто разрушает «основы» общества» свидетельствует о близком знакомстве автора с учением Маркса. Определяя сущность капиталистической собственности, прибавочной стоимости (*прибавочного труда*, по вы-

ражению Смирнова), неизбежность промышленных кризисов. В. Н. Смирнов обращался к «Капиталу». «Источник всякой собственности есть эксплуатация рабочих масс, — писал он. — Превращение прежних форм недвижимой собственности в подвижную, денежную собственность, повлекло за собой развитие буржуазного строя из прежних форм общества. Только с развитием денежного хозяйства сделалось возможным появление капитала, ценности, присваивающей чужой труд, самовозрастающей ценности»⁹⁸. Непрерывные конкуренции, кризисы и банкротства мелких и средних собственников расшатывают капиталистическое общество. Буржуазия сама разрушает частную собственность и тем самым подготавливает почву для перехода ее в коллективную.

Статьи Смирнова отличались бескомпромиссностью, были полны внутреннего огня и наступательного духа. За резкий стиль письма и боевое содержание публицистики он получил среди товарищей кличку «неистового Валериана». Лавров вынужден был иногда высказывать несогласие с выводами своего сотрудника. Наиболее характерна в этом отношении статья «Революционеры из привилегированной среды». В. Н. Смирнов рассматривал в ней вопрос о месте интеллигенции в революции. Он утверждал, что «привилегированная среда» не есть главная опора в революционной борьбе, что, напротив, она консервативна, и только отдельные личности из нее становятся на сторону страдающего народа. «Громадному большинству привилегированных революционеров, — писал Смирнов, — вовсе недорого дело народной революции. Деятельность для приобретения социального переворота вовсе не составляет для них дела первой необходимости, жгучей потребности, вопроса жизни и смерти»⁹⁹. «Не тайное общество «привилегированных» заботливых опекунов народа, не тайное общество «интеллигентных» кандидатов в новое правительство — лишь сам народ в состоянии освободиться от всех своих эксплуататоров; лишь сам рабочий люд может уничтожить дотла государственное здание, лишь его руки, по его мысли, по его (подчеркнуто в оригинале. — И. В.) воле может быть создано на развалинах старого новое человеческое общество»¹⁰⁰. Чтобы соединиться с народом, стать по-настоящему нужным ему, революционер-интеллигент должен готовить себя умственно и нравственно, идти на фабрики, заводы, в мастерские и в деревни — исподволь, постепенно готовить народную революцию. Только на

таких серьезных работников можно положиться, но их будут единицы, в целом же «привилегированная» среда враждебна революции.

П. Л. Лавров писал в редакционном примечании к статье, что не согласен с этой слишком мрачной оценкой автором интеллигентной молодежи. Каждый интеллигент может способствовать будущей революции. «Каждый может сделать немного, но если каждый сделает все, что для него возможно по его положению и по его способностям, результат будет немалый»¹⁰¹. Редактор стремился сгладить впечатление от резкого выступления Смирнова, однако он отмечал, что статья «может быть весьма полезна для читателя», то есть полезна в смысле выработки серьезного взгляда на революцию, необходимости долгой и тщательной ее подготовки.

Оценивая работу Смирнова во «Вперед!», Лавров писал, что без его литературного сотрудничества издание не продержалось бы и два-три месяца, не могло бы существовать «ни в одной из своих форм»¹⁰². Работал В. Н. Смирнов очень много, чем совершенно подорвал свое здоровье. «Наша работа — капля в море, но она нужна, — писал он однажды своей жене Р. Х. Идельсон. — Она единственная работа, для которой стоит жить»¹⁰³. А. Либман сообщал 10 июля 1876 г. Р. Х. Идельсон о Смирнове: «Ведет он чрезвычайно неправильную жизнь, никогда не высыпается, работает по целым ночам, спит только после обеда, питается едва ли не одним кофеем и чаем...»¹⁰⁴. Развился туберкулез, и Смирнов в начале августа 1876 г. вынужден был выехать на лечение в Гейдельберг.

Вместо него петербургский кружок лавристов послал для работы в редакции Н. Г. Кулябко-Корецкого. Он был не новичок в делах издания «Вперед!». В первом томе журнала Кулябко-Корецкий выступил со статьей «Фикции судебной правды», где на основании своей следовательской практики доказал, что в России не может быть никакого правосудия, что судебная правда — фикция, что право сильного всегда будет торжествовать над правом слабого, потому что вся судебная машина заведена и работает единственно для охранения существующего порядка.

Н. Г. Кулябко-Корецкий стал секретарем редакции и одновременно много писал сам. В №№ 40, 41, 42, 43, 45 газеты «Вперед!» были опубликованы его корреспонденции «Из Орла»¹⁰⁵. В них автор анализировал положение пореформенного крестьянства в центрально-черноземной полосе. Эти

корреспонденции послужили эскизами для будущей большой статьи «Плоды реформ», напечатанной в пятом томе журнала за 1877 г. Для №№ 46 и 48 газеты «Вперед!» Н. Г. Кулябко-Корецкий составил обозрение «За две недели», которое постоянно вел до этого В. Н. Черкезов. Кроме того, он принял на себя вместе с Лавровым часть трудов по второму отделу «Летопись рабочего движения» и опубликовал в №№ 40, 44, 46, 47 газеты корреспонденции «Из швейцарской Юры», «Парижский конгресс рабочих», «Бернский конгресс федералистов интернационала»¹⁰⁶.

Из других сотрудников «Вперед!» — лавристов — наиболее выделялись Д. И. Рихтер и Л. С. Гинзбург. В 1875—1876 гг. Рихтер был собственным корреспондентом газеты в Лейпциге. Ему принадлежат почти все крупные статьи и корреспонденции из Германии, опубликованные в газете «Вперед!». Рихтер был специальным корреспондентом газеты на объединенном съезде немецких социал-демократов в Готе. Будучи хорошим экономистом и статистиком, он написал серию статей о положении саксонских шахтеров. Это настоящий обвинительный акт, направленный против германской буржуазии, против зверской эксплуатации рабочих на капиталистических предприятиях. Корреспонденции эти, наряду с другими его материалами, печатались под рубрикой «Письма из Саксонии».

Авторство Д. И. Рихтера устанавливалось нами на основании рукописных оригиналов корреспонденций¹⁰⁷ и его автобиографического очерка¹⁰⁸. В очерке Рихтер указывал, что его сотрудничество во «Вперед!» началось со статьи «Нечто о русском промышленном оазисе». Это неверно. Еще в № 3 газеты «Вперед!» от 15 февраля 1875 г. была напечатана корреспонденция Рихтера «Из Цюриха» о прибытии туда двух русских рабочих, преследуемых правительством¹⁰⁹.

Из третьей группы сотрудников — личных друзей П. Л. Лаврова и поклонников его литературного таланта — самыми деятельными были С. А. Подолинский и Г. А. Лопатин, хотя каждый из упомянутых ранее писателей: Н. П. Огарев, Г. И. Успенский, Н. К. Судзиловский-Руссель, В. Н. Черкезов — даже малым своим участием в газете «Вперед!» оказали редакции неоценимую услугу. Н. П. Огарев опубликовал в № 10 «Вперед!» от 1 июня 1875 г. стихотворение «Свидание» о переговорах в Берлине двух императоров: Вильгельма I и Александра II. В газете было напечатано еще несколько небольших корреспонденций Огарева из Женевы¹¹⁰. Один фельетон опубликовал во «Вперед!» Г. И. Успенский. Будучи в Париже в конце 1875 года, он послал П. Л. Лаврову свое произведение, в котором едко и зло высмеивались церковники, охраняющие вместе с правительственными чиновниками существующие устои. Фельетон назывался «Шила в мешке не утаишь»¹¹¹. Успенский писал о широком распространении идей материализма и социализма: общественная мысль пробуждается всюду, и никакие преграды не в состоянии будут помешать этому процессу. Фельетон был первым произведением Г. И. Успенского, опубликованным им в нелегальной печати¹¹².

Материалы двух последних сотрудников этой группы — Н. К. Судзиловского-Русселя и В. Н. Черкезова — были прежде всего ценны для редакции глубоким анализом экономического положения пореформенной России. У первого — это очерк «Народ и студенчество», у второго — редакционные обозрения «За две недели».

Выше уже было сказано о том, что Подолинский стоял у колыбели издания «Вперед!». Помимо кипучей организаторской работы, он заявил о себе во «Вперед!» как крупный литератор и публицист. В I и II томах журнала был опубликован его «Очерк развития Международной Ассоциации Рабочих». На примере английского рабочего класса автор проследил путь формирования ассоциаций, стройных рабочих организаций и, в конечном счете, всемирной организации — Интернационала. Создание его есть великий факт столетия. Казалось бы, «Очерк» имел больше отношения ко второму отделу — «Летопись рабочего движения», — но П. Л. Лавров поставил его в число теоретических статей. Подолинский признавал за английскими рабочими союзами огромную силу. Английские рабочие, писал он, больше всего в мире сделали для своего освобождения. Но их губят узкие легальные формы борьбы, а выход только в решительной вооруженной борьбе. Никакого соглашения с фабрикантами, никаких переговоров с правительством. «Пусть особенно помнит это наш народ русский. У нас нет еще такого правительства, с которым можно было бы входить в переговоры; пусть же он и не допустит его существования»¹¹³.

Подолинский в основном верно рассматривал историческое развитие капитализма, буржуазии и рабочего класса. Многие свои выводы он строил, опираясь на учение К. Маркса. Но из этого вовсе не следует, что С. А. Подолинский всецело стоял на позициях марксизма. Нет! Он стремился что-то взять также из экономических учений Прудона и Лассалья. Более

того, становясь на крайнюю точку зрения, Подолинский критиковал Маркса за то, что Маркс видел некоторый прогресс в английском рабочем законодательстве¹¹⁴. Сам того не замечая, Подолинский становился на позиции русского последователя Прудона — Бакунина, хотя был ярким противником его программы. Однако, несмотря на отдельные теоретические ошибки, «Очерк» имел большой успех среди читателей, он принес несомненную пользу при изучении международного рабочего движения.

Во втором томе «Вперед!» было опубликовано две корреспонденции С. А. Подолинского: о штундистах и произволе властей в селе Топильном¹¹⁵. Материал для них был собран при поездке по делам журнала в Россию в августе-октябре 1873 г. В этой поездке Подолинский зарекомендовал себя и как блестящий организатор по привлечению корреспондентов к журналу. Он привез с собой несколько больших статей и корреспонденций: «1 из Самарской губернии, 2 — из Пензенской, 1 из Таврической, 1 из Харьковской, 2 народные книжки, статью Н. Г. Кулябко-Корецкого «Неизбежная вражда»¹¹⁶.

Однако со второй половины 1874 г. С. А. Подолинский отходит от журнала. Лишь в № 22 газеты «Вперед!» от 1 декабря 1875 г. была опубликована его небольшая корреспонденция «К Чигиринскому делу»¹¹⁷. Подолинский в это время обращается главным образом к сочинению народных книжек.

Замечательного сотрудника, помощника и советчика П. Л. Лавров приобрел в лице Г. А. Лопатина. В конце августа 1873 г., после удачного побега из Иркутска, Г. А. Лопатин выехал из России за границу. Зная блестящий талант Лопатина, его незаурядные литературные способности, о которых высоко отзывались многие русские писатели, в том числе И. С. Тургенев, Лавров предложил Лопатину быть вторым редактором. Лаврову хотелось привлечь Лопатина к журналу, так как последний пользовался огромным авторитетом как среди русских, так и европейских революционеров.

Но Г. А. Лопатин хотел сначала присмотреться к русской эмиграции, которая значительно изменилась в его трехлетнее отсутствие; в силу своего характера, больше склонного к индивидуальным действиям, он не желал связывать себя с каким-либо кружком или организацией, кроме того, Лопатин расходился с Лавровым по ряду теоретических проблем. Он более последовательно, нежели Лавров, принимал сторону

Маркса по вопросу о разногласиях в I Интернационале. Г. А. Лопатин одобрительно отозвался о статьях Ф. Энгельса «Эмигрантская литература», в которых критиковалась позиция журнала «Вперед!» за попытку примирения бакунистов с марксистами в I Интернационале. 15 октября 1874 года Лопатин писал Ф. Энгельсу: «... прочел статьи с большим интересом и должен признать правильность Вашей аргументации»¹¹⁸. Он более определенно смотрел на участие интеллигенции в Интернационале, не боясь ее «известных привычек», что всегда беспокоило Лаврова¹¹⁹. В теоретическом отношении Лопатин был, безусловно, выдающейся величиной. Эти расхождения с Лавровым не могли ухудшить издание, а, наоборот, вдохнули в него новую, свежую струю. Лавров стал советоваться с Лопатиным по всем важнейшим вопросам ведения журнала.

В 1875—1876 гг. Лопатин опубликовал во «Вперед!» корреспонденции о политических ссыльных: Н. Г. Чернышевском, А. П. Щапове, И. А. Худякове, очерки о сибирских золотых приисках, местной администрации и т. д. Все они содержали материал страшной обличительной силы и обнаруживали широкую информированность автора.

Эта осведомленность Г. А. Лопатина не покажется удивительной, если обратиться к следующему факту. В № 19 газеты «Вперед!» от 15 октября 1875 г. была опубликована его корреспонденция «Из Иркутска» о «художествах» полицмейстера Чебыкина. В поисках корреспондента «Вперед!» в Иркутске полицмейстер произвел обыски у Вагина, Загоскина и даже у председателя контрольной палаты Бутыркина. Обыск не дал желаемых результатов. Г. А. Лопатин писал П. Л. Лаврову 11 января 1876 г.: «... один приезжий из Сибири отрицает известную историю с Чебыкиным, но С.-Петербургские жандармы уверяют (конечно, по знакомству), что она была»¹²⁰. Так широки были связи сотрудника «Вперед!».

Все статьи и корреспонденции Г. А. Лопатина написаны талантливо, образным литературным языком. Как редактор Лавров не вносил в его материалы ни малейших поправок. Рукописи шли сразу в набор. Лопатин был в высшей степени добросовестным в своем творчестве. Он никогда не подходил к своим корреспонденциям предвзято. «Я полагаю, — писал Лопатин Лаврову, — что нынешний строй так неудовлетворителен, и все правительственные меры так несовершенны, что самое беспристрастное, справедливое и даже снисходи-

тельное рассмотрение всегда должно привести к самым нежелательным для них выводам»¹²¹. В этих словах выразилось главное творческое кредо Г. А. Лопатина¹²².

В связи с погромами народнического движения в 1874—1875 гг., разобщением сил и распылением средств все настойчивее раздаются голоса за объединение всех групп и кружков. Весной — летом 1875 г. в провинцию разослали «Циркуляр о соединении кружков», а в конце этого года состоялся Московский съезд народников, на котором был создан «Союз русских революционных групп». Главную роль в союзе сыграли петербургские лавристы и сохранившиеся от арестов кружки «пропагандистов». Это объединение было вполне закономерным. Лавристам трудно было «нести ношу» издания «Вперед!»: собирать деньги, снабжать редакцию корреспонденциями, заниматься транспортировкой через границу и распространением изданий в России. К тому же большинство нелегальных транспортных путей контролировалось «пропагандистами», среди которых выдающимся специалистом революционного транспорта стал А. И. Зунделевич. Кроме того, сами «пропагандисты, нуждались в наборе «Вперед!» для печатания «народных книжек», стремились использовать журнал и газету в целях пропаганды своих политических концепций. Таким образом, наметившееся схождение было обоюдным, к тому же, как уже отмечалось нами, «пропагандисты» были не чужды делу издания «Вперед!» с момента его возникновения.

Была и еще одна причина, ускорившая создание «Союза»: к этому времени очень осложнились отношения между Лавровым и петербургским кружком, в частности, Гинзбургом. Последний стремился приуменьшить единоличный авторитет редактора.

В декабре 1875 г. в Лондон приехал М. А. Натансон, уже уполномоченный «Союзом» на преобразования в редакции и типографии «Вперед!». Такая постановка дела сильно обидела П. Л. Лаврова, и он хотел было сразу сложить с себя редакторские обязанности. «Лавров, — отмечает Сапир в очерке «Вперед!», — воспринял поведение Гинзбурга и его кружка в переговорах с «чайковцами» как акт предательства, а обращение с ним «Союза» — как акт недоверия со стороны тех, на сотрудничество с кем он ориентировался»¹²³. Но эта минутная вспышка негодования умолкла перед требованиями революционного долга. Худо ли, бедно ли, рассуждал Лавров, но новая организация может стать шагом вперед по пути кон-

солидации всех революционных сил. «Организация порядочная, — пишет он Лопатину 31 декабря 1875 г., — с порядочным элементом централизма... Если бы только мне отойти в сторону и действовать лишь лично от себя, я готов содействовать, так как дело серьезное, но страшные торопыги»¹²⁴.

Преобразования же, предложенные Натансоном, были следующими: единоличная ответственность Лаврова за «Вперед!» снимается, отныне он должен отвечать только за литературную часть, все же остальное — финансы, печатание, транспортировка изданий и т. д. — возлагалось «Союзом» на вновь созданное «Правление книжного дела». Вместе с тем, высказав неудовлетворенность ведением «Вперед!», главным образом за отсутствие практических указаний к делу, «Союз» не признал его своим непосредственным печатным органом, хотя и брался за распространение изданий в России. Редактор оказался, таким образом, в ложном положении. Читатели всецело связывали журнал и газету с именем Лаврова, и до этого времени он крепко держал издание в своих руках, не допуская в нем каких-либо сторонних влияний; теперь же направление «Вперед!» и все дело его издания зависели от целого ряда привходящих факторов. К тому же Натансон в Лондоне самостоятельно внес в так называемую «Конституцию «Вперед!», выработанную «Союзом», совершенно неприемлемый для Лаврова пункт 15-б. «Всякого рода статьи, — писал Натансон, — присланные «Союзом» или членом «Союза» в газету, должны быть напечатаны в следующем номере газеты без всяких изменений. Но редакция может сделать к ним примечания в случае несогласия»¹²⁵.

Лавров немедленно написал специальное заявление В. Н. Смирнову как члену «Правления книжного дела» (В. Н. Смирнов, Л. Б. Гольденберг, А. Л. Линева). «Принять его я ни в каком случае не могу и прямо объявляю, что все статьи, присланные не от коллективного лица, но от частного (выделено П. Л.) (хотя бы двадцать раз члена «Союза») я не считаю себя вовсе обязанным печатать без изменений в ближайших номерах газеты, если найду нужным сделать изменения»¹²⁶. Редактор просил скорейших разъяснений на этот счет: то ли это новое решение «Союза», то ли частная инициатива Натансона.

По решению «Союза» женевская типография «пропагандистов» объединялась с наборней «Вперед!» (поэтому и переехал в Лондон со всеми типографскими принадлежностями

ми Л. Б. Гольденберг). Редакция должна была издавать в течение года 24 номера газеты, 50 листов книг для интеллигенции и столько же «народных книжек». «Союз» обещал для этих целей ежемесячно высылать по 500 рублей и наладить правильную доставку корреспонденций. Но как показали ближайшие месяцы работы, эти обещания повисли в воздухе. Редакция и типография «Вперед!» в буквальном смысле были посажены на голодный паек. Материальное положение ухудшилось, а моральная атмосфера стала поистине угнетающей. В редакции и типографии все чаще стали проявляться несогласия, противоречия, выливавшиеся иногда в открытую неприязнь друг к другу.

При таких условиях П. Л. Лавров не мог продолжать редактирование журнала и заявил о своем отказе. В объяснительной записке по поводу этого решения он писал, что находит «нравственно-невозможным продолжать говорить от имени фиктивной социально-революционной партии»¹²⁷. Он не мог редактировать журнал, «который никогда не имел в виду быть личным органом, или органом эмигрантской группы»¹²⁸. Нельзя считать нормальным такое явление, писал Лавров, когда журналу выносят оценку и решают его будущую судьбу, не выслушав редактора или другого представителя редакции. По мнению Лаврова, постановление о распространении изданий «Вперед!» только агентами одного кружка принципиально подрывает «всю социалистическую основу партии». Каждый социалист, писал Лавров, имеет право помогать общему делу пропаганды. Монопольное право враждебно социализму¹²⁹. В этом свете едва ли правомерным является утверждение Н. Г. Кулябко-Корецкого, что «расхождение Лаврова с кружком... не было принципиальным»¹³⁰. Именно принципиальные вопросы лежали в основе «расхождения».

Немедленный уход Лаврова из редакции мог повести к прекращению изданий «Вперед!», поэтому он согласился быть редактором вплоть до предполагаемого августовского съезда. П. Л. Лавров писал, что остается редактором временно, причем рассматривает теперь газету, как «личный орган», вполне понимая ненормальность такого положения. «Если первого сентября 1876 года, — писал он, — никакого определенного решения не поступит, то я сам сдаю бумаги и все дело заведующему кассою и типографией»¹³¹.

Г. А. Лопатин следующим образом расценил решение Лаврова: «Я понимаю, — писал он, — что когда ни ум, ни

знания, ни энергия, ни готовность ежеминутно жертвовать делу и своим временем, и своими материальными интересами, не в состоянии обеспечить человеку не только влияния, пропорционального этим качествам, но даже просто *равного* (выделено Г. Л.) положения и голоса в среде товарищей по делу, когда человеку Вашего калибра приходится зависеть от усмотрения кружковского фетиша калибра Маркова (Натансона. — И. В.), то самое малое, что может сделать такой человек в этом случае это отойти в сторону...»¹³². Г. А. Лопатин правильно охарактеризовал ненормальность сложившегося положения. Всей душой переживая за судьбу «Вперед!», он хорошо понимал, что уход Лаврова из редакции может стать и концом издания. В лучшем случае, писал Лопатин, «Вперед!» останется *русским* органом *иностранного* (выделено Г. Л.) рабочего движения, а там, смотришь, пропадет та аккуратность и деловитость, которые давали ему такой солидный вид в глазах начальства...»¹³³.

Однако приведенные выше причины кризиса, являясь главными, не были единственными причинами расстройств редакционных дел. В связи со спадом революционного движения в 1875—1876 гг., жестокими правительственными гонениями сильно оскудели материальные средства издания. Бывали случаи, когда в редакционной кассе не оставалось ни гроша, и положение становилось отчаянным. Например, в середине марта 1876 года В. Н. Смирнов писал в Петербург Л. С. Гинзбургу: «Мы находимся в безвыходном положении. Буквально через несколько дней нечего будет жрать. Знайте: если к 25 марта не будут Вами посланы по телеграфу 1100 руб. (за апрель, март), то мы продаем типографию, ибо все равно, если не продадим сами, продадут здешние власти. Суммы, вырученной с продажи, может хватить только на *временное* (выделено В. С.) поддержание нас. Долг, который превышает 85 фунтов, т. е. более 600 руб., мы покрыть ничем не можем. Поэтому Линеvu или Лаврову предстоит счастливая участь ознакомиться с лондонскими тюрьмами»¹³⁴.

Денежные дела не могли поправиться в течение всего 1876 года. Н. Г. Кулябко-Корецкий писал 6 октября В. Н. Смирнову, находившемуся на лечении, что общее собрание сотрудников редакции и типографии решило с 43 номера приостановить печатание газеты. Дело дошло до того, что члены колонии вынуждены были в это время, в ожидании денег, искать пропитание кто как может, полагаясь на собственные силы¹³⁵. Редакция хотела даже обратиться к читателям за помощью

через газету, но П. Л. Лавров посчитал, что этого нельзя делать без ведома русских кружков¹³⁶.

Чтобы привлечь внимание всех революционеров к судьбе изданий «Вперед!», 1 сентября 1876 г. П. Л. Лавров выступил в газете с передовой статьей: «Роль периодической прессы в социально-революционной пропаганде». Прежде всего, писал Лавров, две задачи стоят перед революционной прессой: «функции *постоянной адвокатуры* рабочего социализма и социальной революции по поводу всего совершающегося и функция *постоянного развернутого знамени* (выделено П. Л.), около которого могли бы собираться приверженцы рабочего социализма и социальной революции»¹³⁷. Газета должна защищать партию от постоянных нападков консерваторов и либералов — в этом заключается ее функция «постоянной адвокатуры». Подобную задачу лучше выполнит орган с возможно короткими сроками выхода, такой орган проявит больше оперативности и боевитости.

Другая функция газеты — быть «развернутым знаменем» — еще важнее для революционного движения. Она поднимает дух, уясняет положение социалистической партии среди других исторических партий. «Знамя в битве не есть оружие, — писал Лавров, — но во многих случаях оно важнее оружия»¹³⁸. Борьба будет продолжаться до тех пор, пока развеивается знамя.

Газета имеет огромное преимущество по сравнению с брошюрами и книгами, потому что она есть «прежде всего, дело коллективное». «В объединении же коллективных литературных сил партии в ее периодическом органе проявляется именно коллективная сила, коллективная жизненность самой партии»¹³⁹. Не обращаясь прямо к Гинзбургу и его сторонникам, но явно имея их в виду, Лавров писал, что сохранение газеты абсолютно необходимо, если русские кружки собираются делать большое революционное дело, если не рассчитывают заниматься только частными, местными вопросами.

Рабочие Лейпцига, Цюриха, Чикаго, отмечал Лавров, выделяют последние гроши из скудного заработка для поддержки своих боевых органов печати. Любая фракция русского революционного движения, которая серьезно стремится «заменить бюрократически-хищнический строй современной всероссийской империи строем социалистической *рабочей России* (выделено П. Л.), должна основать и поддерживать свою газету — знамя в решительной революционной борьбе».

Лавров предупреждал своих товарищей от поспешных выводов и скоропалительных решений. «Как ни трудно бывает, — писал он, — поддерживать при неудобных обстоятельствах знамя, уже обстрелянное в бою и признанное врагами и соперниками, еще несравненно труднее развертывать снова литературное знамя, которое пришлось временно свернуть, несравненно труднее внушить доверие к устойчивости исторической партии, которая однажды среди боя отказалась от своей роли»¹⁴⁰. Такими словами окончил П. Л. Лавров свою статью. Они звучат как последнее предупреждение перед решением дальнейшей судьбы «Вперед!».

«Союз», как проявилось на деле, оказался мертворожденным телом. Не вдохновляемый внутренней связью, составленный из различных по составу и направлению кружков (лавристы, «пропагандисты», кавказцы, «фричи»), он не представлял из себя монолитной организации, не руководствовался ясно поставленными целями. Лавристы, вчера еще игравшие первую скрипку в издании «Вперед!», были оттеснены на вторые роли, а Гинзбург подпал под влияние Натансона.

Но будто стяхнувши с себя оцепенение, вспомнив свою былую деятельность, лавристы стремятся вернуться к старым формам работы. В апреле 1876 года они представили на общее собрание «Союза русских революционных групп» записку¹⁴¹, в которой выражали несогласие состоянием дел и объявляли о своем выходе из «Союза». В записке отмечалось, что «Союз» не осуществил поставленных перед собой задач, по-прежнему процветает автономность кружков, в издании «Вперед!» внесена неразбериха и т. д. В конце записки была изложена программа петербургского кружка лавристов, написанная, к слову сказать, в духе Лаврова, в тоне его программных статей во «Вперед!». Но это был, по существу, последний рывок к жизни, к активной самостоятельной деятельности уже уходящего со сцены общественного движения течения.

После распада «Союза» дела «Вперед!» не поправились. Лавристы, все более и более терявшие влияние, не могли обеспечить достаточного сбора средств на издание газеты и стали подумывать о том, чтобы вернуться к непериодическим сборникам, т. е. к журналу. К тому же, стремясь любой ценой поддержать свое влияние в России, петербургский кружок наложил монополию на распространение всех изданий типографии «Вперед!», и это пагубно сказалось на его финансах. П. Л. Лавров настойчиво протестовал против этого, но не до-

бился каких-либо результатов. Он хотел осуществить свою давнишнюю мечту: сделать «Вперед!» печатным органом всех революционных кружков в России (поэтому, несмотря ни на что, он с большим сожалением воспринял весть о прекращении «Союза»). Чтобы каким-то образом ослабить монополию петербургского кружка, в августе 1876 г. Лавров создает в Лондоне «Общество изданий «Вперед!», т. е. отдельный от петербуржцев кружок, и требует от Гинзбурга признать его самостоятельность в решении всех дел, наравне с другими русскими кружками лавристского направления. Гинзбург, естественно, отнесся отрицательно к этой затее Лаврова, почувствовав угрозу приоритету петербургского кружка.

Для решения всех противоречивых и спорных вопросов решено было созвать общий съезд делегатов от всех кружков, поддерживающих «Вперед!» Съезд этот работал с 3 по 14 декабря 1876 г. в Париже. Во втором томе архива В. Н. Смирнова впервые опубликованы некоторые протоколы заседаний съезда. По предложению Лаврова, принимается порядок работы по следующим вопросам: доклады делегатов с мест, о программе для союза кружков или партии, средствах издания «Вперед!» и форме его, выбор должностных лиц и назначение будущего съезда¹⁴².

Делегат от Киева К. И. Гриневиц дал краткий очерк положения дел в интеллигенции, из которого явствовало, что пропаганда в непросвещенной массе не дает результатов, надо обратиться к подготовке юношества. С этой целью, замечал он, главное внимание в издательской деятельности нужно уделить серьезным сочинениям для интеллигенции, популярным учебникам для рабочих и собственно «народным книгам». Представляющий Одессу Г. А. Попко сказал: «В газете «Вперед!» наш кружок находил некоторые недостатки, так, например, корреспонденции часто погрешали против истины и вообще преувеличивали ход революционного движения в России; но мы полагаем, что нужно только общими силами изыскать средства для улучшения нашего органа и все-таки продолжать издание в форме газеты»¹⁴³. Как видим, мнения делегатов о возможной и наиболее приемлемой форме издания «Вперед!» были противоположны.

Решающее слово было за Л. С. Гинзбургом. Он говорил два дня (к сожалению, протокол его выступления очень краток). Гинзбург обрисовал развитие социалистических идей в России с 1869 года, отметил успехи и неудачи пропаганды. Главное внимание он, конечно, уделил положению петербург-

ского кружка, а также изданию «Вперед!». Гинзбург выразил неудовлетворенность как формой издания (газета), так отчасти и направлением (некоторая солидарность с бунтарями, призывы к активному действию). Лавров впоследствии назвал эту речь «обвинительным актом»¹⁴⁴. Редактор «Вперед!» вынужден был в свою защиту выступить с двумя ответными речами. «Он изложил ход издательского дела, — отмечает протокол, — от самого начала его до последней минуты, объявив подробно, почему в некоторых случаях «Вперед!» поступал так, а не иначе, а также изложил ход мысли и обстоятельства, которые привели к образованию лондонского кружка, и в конце своей речи заявил, что все слышанное им от приехавших из России делегатов заставляет его отказаться от редакторства во «Вперед!», но он все-таки обещает служить всеми силами социально-революционному делу в России»¹⁴⁵. Несмотря на это заявление, Лавров вместе с другим лондонским делегатом А. Л. Линевым приняли участие в работе съезда до его окончания. Делегаты южных кружков от имени группы молодежи предложили П. Л. Лаврову пособие, чтобы он не бедствовал по выходе из редакции «Вперед!» Но Лавров отказался. «Пока я не разбит параличом, — отвечал он, — или не ослеп, пока я в состоянии зарабатывать себе сколько-нибудь своими трудами, я не могу принять их предложения. Пусть они употребят, что могут, на наше общее дело»¹⁴⁶.

В новой редакции обязанности распределились следующим образом: Н. Г. Кулябко-Корецкий писал и обрабатывал руководящие статьи журнала, В. Н. Смирнов вел «Летопись рабочего движения». Материалы же для первого отдела «Что делается на родине?» они подготовляли вместе. Как отмечал П. Л. Лавров, том пятый, вышедший в конце 1877 г., «по литературному достоинству ни в каком отношении не был ниже прежних изданий фирмы «Вперед!»¹⁴⁷. Особенно широко был представлен первый отдел. Редакция познакомила читателей с материалами судебных процессов «50-ти», Южно-Российского рабочего союза. Причем речи Петра Алексеева и Софьи Бардиной были посланы в редакцию Лавровым через Гольденберга, приезжавшего в мае 1877 г. в Париж¹⁴⁸. Хотя в январе 1877 г. П. Л. Лавров передал все дела по изданию и больше не являлся редактором или сотрудником «Вперед!», долгое время корреспонденции для журнала приходили на его имя, и он должен был пересылать их в Лондон.

Однако влияние и авторитет петербургского кружка лавристов постепенно падали. К концу 1877 г. киевляне порвали с

питерцами всякие отношения и прекратили высылку денег для «Вперед!». А. Зубковский объяснял это тем же пренебрежительным отношением Л. С. Гинзбурга к периферийным кружкам¹⁴⁹. Положение со средствами, и без того трудное ранее, еще более усугубилось. Изменение формы издания и уход Лаврова также отразились на его судьбе. Это отметил в своих воспоминаниях и Н. Г. Кулябко-Корецкий. «С уходом же из редакции Лаврова, — писал он, — и с прекращением двухнедельного выхода талантливо и занимательно составлявшихся номеров периодического издания, само собой разумеется, и авторитет издания и интерес публики к нему постоянно падали. Благодаря этому, добывание денег в России становилось все затруднительнее»¹⁵⁰. Редакция потеряла в Лондоне кредит, к которому часто прибегала ранее, пользуясь авторитетом и известностью имени П. Л. Лаврова. Усложнилась техническая сторона издания. В связи с тем, что А. Л. Линева отказался от руководства типографией, а вскоре после него уехал из Лондона и Л. Б. Гольденберг, единственными постоянными наборщиками остались М. И. Янцын и Я. В. Вошаккин. В разное время им помогали в наборе Г. П. Броше и А. Ф. Таксис.

Между тем в России поднимался накал революционной борьбы. Совершала первые шаги тайная организация «Земля и воля». И. М. Ковальский и В. А. Осинский дали при своем аресте в Одессе и Киеве настоящий бой жандармам. А 24 января 1878 г. В. И. Засулич стреляла в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Начинался новый этап в развитии движения революционного народничества. По словам Д. И. Рихтера, кружок же «в принципе отрицал полезность всяких attentатов и насильственных выступлений»¹⁵¹. На заседании кружка, состоявшемся в Петербурге 2 апреля 1879 г., решено было приостановить выпуск «Вперед!», фактически же это решение имело своим последствием окончательное прекращение издания¹⁵². В заседании участвовали Л. С. Гинзбург, А. Ф. Таксис, Н. Г. Кулябко-Корецкий, Д. И. Рихтер, Р. Х. Идельсон. Решение было принято большинством голосов. Только Кулябко-Корецкий выступал против. Он настаивал на продолжении издания¹⁵³. Через несколько месяцев после этого прекратил свое существование и сам кружок. Большинство его членов отошло вскоре от всякой революционной борьбы. Однако дело вольной русской печати, возрожденное «Вперед!», получило уже прочную основу и развивалось в лице других революционных изданий — и выходящих за границу, и в особенности в пределах России.

Журнал и газета «Вперед!» были подлинным детищем П. Л. Лаврова. В них, как в зеркале, отразились сильные и слабые стороны философских, политических и социологических взглядов самого редактора. Несмотря на то что Лавров называл себя последователем К. Маркса, в политической и общественной деятельности он не встал на позиции марксизма. Однако журнал «Вперед!» делался невольным пропагандистом идей марксизма в России, печатая на своих страницах огромную массу статей и корреспонденций о рабочем движении на Западе, которое уже прочно связало свою судьбу с учением Маркса.

В газете «Вперед!» (№ 33 от 15 мая 1876 г.) впервые увидело свет стихотворение Г. Мачтета «Последнее прости!», ставшее с некоторыми изменениями одной из самых популярных революционных песен «Замучен тяжелой неволей...», любимой песней В. И. Ленина. На страницах «Вперед!» родилась и «Рабочая Марсельеза». Основой ее послужило стихотворение П. Л. Лаврова «Новая песня» (№ 12 от 1 июля 1875 г.). И песня эта — «Отречемся от старого мира!» звала к борьбе за свободу на демонстрациях и баррикадах трех русских революций.

§ 2. Анархо-бакунистские издания.

Газета «Работник»

Целый ряд событий в русском и международном революционном движении способствовал тому, чтобы именно в 1875 году появилась первая русская газета для рабочих. В 60—70-е годы XIX века рабочее движение на Западе переживало подъем. Этому содействовало оформление теории научного социализма в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, образование в 1864 году I Интернационала и, наконец, могучие события Парижской Коммуны, образовавшей первое в истории пролетарское правительство. Хотя Коммуна и была подавлена буржуазией, но пример французских пролетариев побудил к решительным действиям рабочих других стран. Особенно заметный рост рабочего движения в 70-е годы наблюдался в Германии. Германская социал-демократия становится в это

время одной из самых организованных и действенных в Европе.

Известно, что не осталась в стороне от этих событий и Россия, русское революционное движение. Наряду с размахом народнического движения, в начале семидесятых годов усиливается стачечная борьба русских рабочих. Если в 1870 г. на фабриках и заводах России было 20 стачек, то в 1874 г. — 34¹. Рост этой борьбы волей-неволей приводил русских революционеров к выводу: надо сосредоточить больше усилий на пропаганде среди городских рабочих. Опыт же «хождения в народ» в 1874 г. показал, что революционная литература для чтения в народе пользуется большим спросом, ее не хватает. Журнал «Вперед!» по своей специфике не всегда годился для пропаганды на фабриках и в рабочих артелях. Задачи дня требовали создания такого органа, который бы адресовался непосредственно к работникам, выдвигал бы на обсуждение в первую очередь вопросы народной жизни, был бы доступен простому люду.

Одними из первых обратились к этой идее уцелевшие от арестов члены Большого общества пропаганды. Они не оставили надежды основать свой печатный орган. Едва оправившись от полицейских погромов, петербургские «пропагандисты» стали прилагать усилия к организации народной газеты. Однако эту же идею наряду с ними хотели осуществить и другие. Кружок женевских анархистов, последователей М. А. Бакунина, тоже стремился внести свою лепту в дело революционной пропаганды в России. К тому же были еще живы отголоски недавней яростной борьбы между сторонниками Бакунина и Лаврова среди русских эмигрантов. Журнал «Вперед!» приобрел уже значительный вес и авторитет, бакунисты же все еще не могли поставить свой орган. Между тем среди действовавших тогда в России революционеров было немало adeptов бакунизма, многие из которых только вчера вернулись из Женевы, Цюриха, Берна и других швейцарских городов. Именно бывшие «швейцарцы» явились организационным ядром группы «москвичей» или Всероссийской социально-революционной организации, которая и выделила на первых порах часть денег для издания газеты². На это же указывали в своих воспоминаниях Л. Г. Дейч, В. Н. Фигнер, Я. В. Стефанович³.

Однако другие источники говорят о том, что вопрос об основании газеты «Работник» представляется гораздо сложнее. Н. А. Морозов писал по этому поводу: «Петербургское

общество пропаганды дало средства на издание и распространение журнала и назначило его редакторов...»⁴. Сам же он был специально командирован за границу с тем, чтобы стать одним из редакторов нового органа. Но здесь же Морозов противоречит себе: «Когда я ехал сюда, я думал, что вся ответственность редактирования падет на меня одного»⁵. Н. А. Морозов застал в Женеве редакцию «Работника» почти сложившейся. В ее состав входили З. К. Ралли, Н. И. Жуковский, А. Л. Эльсниц, В. А. Гольштейн — все последователи Бакунина, правда, несколько разошедшиеся со своим учителем на почве разногласий по вопросам практической деятельности. Отсюда возникает вопрос: кому же все-таки отдать приоритет основания газеты? Нам думается, в данном случае этого делать не следует. К делу основания в равной степени причастны «москвичи», петербургский кружок «пропагандистов» и указанная группа женевских эмигрантов.

В силу того, что организация «москвичей» только что начала складываться и не располагала достаточными литературными силами и авторитетом, она не могла выступить единоличным основателем нового печатного органа. Конечно, «москвичи» могли выделить долю первоначальных средств для ведения дела, о чем и говорилось выше. Но, по свидетельству З. К. Ралли, их денежная помощь была незначительной⁶. «Пропагандисты» же не могли быть инициаторами издания как самостоятельного предприятия по причине разгрома общества и потери многих своих выдающихся товарищей. Хотя уцелевшая часть «пропагандистов» имела в своих рядах талантливых людей, но цельной организации не было, оскудела и касса. В их руках, однако, был действенный фактор — женевская типография. Кроме того, «пропагандисты» ведали транспортом через границу. Сами же эмигранты не могли самостоятельно начать дело из-за неимения хотя бы каких-либо средств. К тому же им было хорошо известно, что издательская деятельность любой эмигрантской группы, не связанной с Россией, заведомо обречена на провал. Таким образом, основание газеты «Работник» надо рассматривать как результат совместных усилий всех этих групп⁷. При этом нужно помнить, в каких условиях происходила работа: летом и осенью 1874 г. было арестовано несколько тысяч пропагандистов. Такой «всесветский» погром исключал всякую возможность планомерной и согласованной работы между различными кружками в России по подготовке нового печатного органа.

Из названных выше редакторов-бакунистов наиболее за-

метными фигурами были Н. И. Жуковский и З. К. Ралли. Первый принадлежал к поколению шестидесятников, бежав за границу еще в 1862 г. вследствие привлечения по делу тайной типографии Баллода. При всем своем революционном энтузиазме и верности анархистскому знамени, Жуковский как редактор имел ряд существенных недостатков. Быстро одушевлявшийся новым революционным предприятием, он не терпел будничной, черновой работы. К тому же, располагая определенным литературным талантом, Жуковский чрезвычайно неохотно брался за перо, предпочитая устные дискуссии и словопрения в кругу эмигрантов. Эти качества противопоставлены любому редактору, тем более руководителю эмигрантской газеты.

Полную противоположность Жуковскому представлял З. К. Ралли. Энергичный, предприимчивый, настойчивый, он, безусловно, был главным администратором в редакции «Работника». М. К. Элпидин писал, что в редакции он один только и работал, «ему одному честь и слава, он вынес все хлопоты по изданию, как литературные, так и денежные, на своих плечах»⁸. Хотя это сказано с известной долей преувеличения, но в общем верно. Бывший нечаевец, Ралли, во избежание суда, скрылся в 1871 г. за границу, где стал одним из деятельных сторонников Бакунина. Он проявил в эмиграции завидный публицистический талант, опубликовал несколько своих работ («Парижская Коммуна», «Сытые и голодные» и др.) и оказался вполне на месте как редактор газеты «Работник». Кроме редакторских обязанностей, Ралли писал статьи, занимался транспортировкой газеты через границу и сбором денежных средств для издания⁹.

Помимо редакторов близкое участие в делах газеты принимал приехавший вместе с Морозовым Н. А. Саблин¹⁰. Секретарские обязанности и корректуру до своего разрыва с редакцией «Работника» вел Л. Б. Гольденберг. В подготовке первого номера принимали участие супруги Н. А. и З. И. Жебуневы. Но из-за их легкомыслия и слыхом больших претензий редакции пришлось отказаться от услуг последних. В одном из своих писем неизвестному адресату Н. А. Жебунев писал, что его и жену «исключили из редакции «Работника», при этом он отчаянно ругал Н. А. Морозова¹¹. Причиной этой ругани было то, что именно Морозов настоял, чтобы не принимать в газету откровенно беспомощное стихотворение Жебуневых «Овцы и волки». Будучи опытным пропагандистом, исходившим несколько губерний, Морозов указывал честолю-

бывым авторам на их совершенно наивные и упрощенные представления о жизни русского крестьянства.

В своих воспоминаниях З. К. Арборе-Ралли отмечал, что, кроме Гольденберга, Морозова, Жебунева, в выпуске «Работника» принимали участие А. И. Иванчин-Писарев, В. П. Обнорский, С. Н. Халтурин¹². Обнорский одно время даже жил в типографии. Вполне вероятно, что рабочий-революционер принимал участие в наборе. Редакция стремилась привлечь к этому делу всех близких ей людей. Даже Н. А. Морозов, будучи редактором, в свободное время учился набирать¹³. Есть предположения, что в «Работнике» сотрудничали П. Б. Аксельрод, Д. А. Клеменц, С. М. Кравчинский¹⁴.

Особо следует сказать об Иванчине-Писареве. Именно с 1875 года начинается его плодотворное и многолетнее сотрудничество в нелегальной печати. Он дал несколько корреспонденций для «Вперед!», в частности о положении крестьян в Даниловском уезде Ярославской губернии, в это же время написал ряд рассказов из народной жизни, вышедших отдельными книжками. В «Работнике» же Иванчин-Писарев начинает активно сотрудничать с осени этого года. В трех последних номерах газеты он являлся ответственным редактором. «Получил письмо от Писарева — коротенькое и сухое, — сообщил 5 ноября 1875 г. В. Н. Смирнов Р. Х. Идельсон, — продолжать своих статей у нас не будет, так как это было бы повторение тех статей, которые будут помещены в его собственной газете «Правде»¹⁵. Вот это письмо А. И. Иванчина-Писарева в редакцию «Вперед!» от 3 ноября 1875 г.: «Я готовлю очерки экономического положения Даниловского уезда для своей газеты, после чего мои корреспонденции во «Вперед!» были бы бесцветным повторением: продолжать их я не буду»¹⁶. В другом письме к Р. Х. Идельсону В. Н. Смирнов писал: «Писарев, как пишет Лопатин, совсем порвал с прежним «Работником». Поэтому и журнал будет называться «Правдою»¹⁷. Однако от переименования издания пришлось отказаться, и А. И. Иванчин-Писарев выпустил пять последних номеров «Работника» (№№ 11—12, 14—15 — сдвоенные). Заметим, кстати, что именно в период его редакторства газета впервые была иллюстрирована рисунками (на первой полосе № 13 был изображен крестьянин с топором в правой руке, а левой поднимающий знамя с лозунгом «Земля и Воля»; в №№ 14—15 два рисунка — первый отражал сбор податей, второй — бунт крестьян и подавление его воинской командой). О том, что именно Иванчин-Писарев был до последнего номе-

ра редактором «Работника», говорит письмо неизвестного корреспондента редакции «Вперед!» от 5 февраля 1876 г.: «Что скажете о новом № «Работника» под редакцией Писарева?»¹⁸

Часть сотрудников «Вперед!» осудила А. И. Иванчина-Писарева, посчитав его перебежчиком из своего лагеря к бакунистам. Но в защиту нового редактора «Работника» выступил Д. А. Клеменц. В одном из своих писем А. Л. Линеву он писал: «Не могу я согласиться с Вашим выводом относительно поступка Писарева. Для меня важно тут не слава и блеск того или другого муравейника, а интересно дать работу всем силам. «Работник» уже существует, падение его не произведет хорошего впечатления в России... Писарев прав, когда согласился взять на себя «Работник»¹⁹.

Здесь уместно заметить, что с момента основания газеты Д. А. Клеменц проявлял к ней самое заинтересованное внимание. Об этом красноречиво свидетельствуют его письма Л. Б. Гольденбергу. Эти письма подтверждают также высказанное нами ранее мнение, что бывшие «пропагандисты» никак не могли быть самостоятельными основателями газеты, хотя постепенно среди сотрудников они заняли доминирующее положение. За ними был большой революционный авторитет и литературный талант. Все они (Кравчинский, Аксельрод, Клеменц, Морозов, Волховский) составляли цвет революционной публицистики в течение многих лет. В этой связи не вызывает удивления тот факт, что редактором «Работника» стал именно А. И. Иванчин-Писарев, бывший «пропагандист». «Москвичи» же как сотрудники газеты ничем себя не проявили.

Обратимся к этим письмам. «Первый № я получил, — писал Клеменц, — несмотря на неизбежные недостатки изложения, он все-таки удовлетворяет своей цели. Таким, вероятно, найдут его и питерцы... потребность в газете так настоятельна, желание делать в этом направлении что-нибудь так законно, сил так мало, что отвернуться от «Работника» питерцы не решатся». «Поэтому если «Работник» не изменит своей программы и будет печатать наши статьи и корреспонденции нашего направления... то необходимо будет взяться самим нам и за его перевозку и за распространение»²⁰.

Таким образом, хотя «пропагандисты» и входили в организацию газеты, скажем так, на паях, но делали это с оглядкой, осторожно, в силу того что мало знали людей, с которыми имеют дело. Поэтому Клеменц говорит, что многое будет зависеть «от редакции и ее поведения» (!). «Пусть решат питер-

цы, — заключает он, — нужен ли им «Работник», а редакторы пусть постараются сделать свой орган интересным для русских»²¹. Еще один нюанс: что из этого выйдет, какая газета, прежде чем окончательно связать себя обязательствами перед нею. «Относительно себя скажу, — добавлял Клеменц, — что думаю писать в «Работник» не потому, чтобы мне внушали особое доверие лица, ведущие его — я их не знаю — а потому, что направление его, насколько это видно из первого номера, более подходит к нашим задачам»²². В это время Клеменц и некоторые другие «пропагандисты» (тот же С. М. Кравчинский) все еще не могли согласиться с программой «Вперед!», считая ее слишком умеренной, лишенной призывов к скорейшему революционному взрыву, бунту и т. д. Анархо-бакунистское же направление № 1 «Работника», как видим, более пришлось Клеменцу по душе. Наконец, обращает на себя внимание следующий момент: Клеменц пишет письма Гольденбергу, которого лично не знает, в то время как в редакции уже работает его товарищ Н. А. Морозов. Хотя Гольденберг и ведал женеvской типографией, но в данном случае, безусловно, для Клеменца Морозов был бы более авторитетным корреспондентом, будь все «пропагандисты» хорошо информированы о планах организации газеты «Работник».

В подтверждение всего вышесказанного приведем еще письмо известного «пропагандиста» С. И. Клячко тому же Гольденбергу от 23 января 1875 г. «Получил я сказку и газету, первая великолепна, что же касается до газеты, то она, по моему мнению, совершенно не годится для той цели, для которой она предназначена, т. е. для распространения между рабочими, и не годится она ни по своей форме, ни по своей сущности. Изложение, по-моему, крайне вялое, что же касается до сущности, то, мне кажется, ошибка та, что стараются доказать народу какую-нибудь истину в то время, как народ всякие истины поймет прежде чувством, чем умом...»²³. Клячко, как крайнего бакуниста, не удовлетворило даже такое направление «Работника», коль скоро он не встретил обращения к чувствам крестьянства, к пресловутым вековым инстинктам мужика. Новой газете, как в свое время журналу «Вперед!», суждено было испытать упреки, критику, едкие замечания несогласных с ее содержанием. И это вполне естественно, так как революционеры-народники только начинали вносить коррективы в теоретические построения, опираясь на опыт «хождения в народ», пока же все еще имела место нетерпимость к своим идейным противникам.

В этой связи находит свое место и намерение С. М. Кравчинского основать за границей другой журнал, предназначавшийся также для работников²⁴. Кравчинскому и некоторым другим «пропагандистам» казалось, что «Работник» слишком легковесен теоретически, что за простотой изложения не должны ступать сложные вопросы современной жизни. Весной 1875 г. он писал П. Л. Лаврову из Брюсселя: «А приехал я за границу для народного журнала...»²⁵. Через некоторое время Кравчинский изложил перед Лавровым направление планируемого органа: «Он имеет в виду, по моему мнению, всего больше городских рабочих. Таков, по крайней мере, будет первый номер. Питерцы ждут, что он будет сильно читаться и по деревням. Я тоже думаю, что будет читаться. (Вы не поверите, как жадно читаются, с каким остервенением, можно сказать, читаются революционные издания). Но полагаю, что главными читателями будут городские работники»²⁶.

Нам небезынтересно знать, как отнеслась к новому органу редакция «Вперед!». Пожалуй, точнее нельзя сказать, как это выразил П. Л. Лавров в письме Г. А. Лопатину от ноября 1875 г. В отношениях с «Работником» «Вперед!» «был на деликатностях, но во вражде не был»²⁷. В данном случае Лавров оставался верен себе: не вносить вражды, раскола, не доводить дела до открытой полемики (как он вынужден был сделать по отношению к П. Н. Ткачеву), хотя бы и не согласен с направлением печатного органа и не вполне симпатичны люди, руководящие им. Самое главное, чтобы этот орган велся в революционном духе.

Между двумя изданиями установились отношения терпимого нейтралитета. Лавров и его сотрудники внимательно следили за тем, что происходит в редакции «Работника». Во второй половине января 1875 г. (т. е. после выхода первого номера) Лавров писал Лопатину: «Гольденбергу напишут на днях, чтобы Вам посылали «Работник». Он, как я писал, вытеснен из редакции, но остался, кажется, в подчиненном отношении; это теперь единственное лицо нам приемлемое в редакции»²⁸. О внутренней атмосфере в редакции «Работника», ссорах и столкновениях Лавров писал Лопатину и 27 марта 1875 г.

Обе редакции сразу же начали деловой обмен своими изданиями. Наверное, эта инициатива принадлежала «Работнику». От имени редакции газеты Н. И. Жуковский обратился 27 января 1875 года к П. Л. Лаврову с просьбой, не может

ли редакция «Вперед!» выслать им 2 тысячи (!) экземпляров «Хитрой механики». Очевидно, такое согласие было получено, и 8 февраля 1875 г. Жуковский писал: «В ответ на письмо ваше от 31 января редакция «Работника» высылает вам 120 франков и просит выслать 1000 экз. «Хитрой механики»... Редакция «Работника» поручила мне предложить вам меняться всеми изданиями»²⁹. Этот обмен продолжался и в следующем году. Л. Б. Гольденберг, работавший в то время в типографии «Вперед!» в Лондоне, писал З. К. Ралли 18 января 1876 г.: «Спасибо за присланные номера «Работника». Нельзя ли хлопотать, чтобы нам выслали 100 экз. последнего номера, теперь случай есть пустить это количество в настоящее дело. Ждем с нетерпением исполнения нашей просьбы»³⁰. Как видим, к этому времени установилось даже тесное сотрудничество, результатом чего явилась совместная транспортировка обоих изданий через границу.

Газета «Работник» широко распространялась в различных местностях России: на сахарных заводах под Киевом и Одесой, на текстильных фабриках Москвы, Серпухова, Богородска. «Транспортировкой изданий «Работника», — отмечает А. Я. Киперман, — занимались видные деятели группы «москвичей» Г. Зданович, О. Любатович, А. Цицианов. В записной книжке Здановича, отобранной при аресте, значилось множество зарубежных адресов, в том числе швейцарские, венские, белградские»³¹. В декабре 1875 года жандармы задержали на бессарабской границе два тюка, в которых оказалось 4062 экземпляра газеты «Работник». Столь большое количество арестованных экземпляров газеты говорит и о большом ее тираже. А. Я. Киперман называет 1000³², З. К. Арбори-Ралли отмечал, что в 1875 г. тираж ее был 5000, а в 1876 г. — 2500³³. В последнем случае цифры слишком завышены, невозможно предположить, учитывая постоянную нужду редакции в деньгах, чтобы ей удалось в течение целого года держать тираж в 5000 экземпляров. Газету «Работник» полиция находила в обращении еще в конце 1878 г. Например, студент М. В. Кротов и мещанин Александр Шалаевский читали «Работник» в кругу своих друзей в Перми³⁴.

Большой спрос на «Работник» был и среди эмигрантов. Г. А. Лопатин обращался 24 апреля 1875 г. к З. К. Ралли: «Не согласились ли бы Вы выслать даровой экземпляр «Работника» в русскую читальню в Париже? Издержки по высылке были бы Вам возвращены, если бы Вы этого пожелали»³⁵. Вновь открывшаяся русская библиотека в Цюрихе также про-

сила ссудить ее бесплатными экземплярами³⁶. Некий Г. Борецкий просил Жуковского выслать все номера «Работника» в Вюрцбург, при этом он сообщал, что редакции уже выслано 56 фр. 40 сантимов, посылает еще 23 фр. 50 сантимов³⁷. Это как раз те частные «очень редкие и крайне ничтожные жертвования», о которых писал в своих воспоминаниях З. К. Ралли³⁸.

Издание газеты «Работник» было первым опытом подобного рода, и перед редакцией, естественно, встал вопрос, по какому принципу делать газету, в какой форме подавать материал. Ввиду недостаточной развитости рабочих и крестьян («рабочников»), их подавляющей неграмотности, решено было писать все материалы языком, стилизованным под народный. Тем более, что такая форма была уже апробирована народниками в рассказах и сказках для народа. По-разному восприняли современники этот язык. В. Н. Смирнов писал, что в одном из писем к П. Л. Лаврову Н. П. Огарев говорил, что его «возмущает подделка под народный язык, который народ не поймет»³⁹. Однако вскоре же Огарев отмечал: «Цели хорошие», потому «камня бросать не хочется»⁴⁰. Довольно резко отозвался Н. К. Судзиловский-Руссель. «Газета пуста, бессодержательна, полна искусственных натяжек...»⁴¹, — писал он Л. Б. Гольденбергу 4 мая 1875 года.

Были и положительные отзывы. А. Л. Линева писал 31 августа 1875 г. Л. Б. Гольденбергу, что его очень заинтересовал рассказ «В харчевне» — «настоящий народный язык»⁴². Несмотря на двоякое восприятие языка и стиля «Работника», эта традиция прижилась в народнической печати для рабочих — ей потом следовали народовольческая «Рабочая газета» и чернопередельческий листок «Зерно». Поэтому едва ли правомерно категорически утверждать, что редакция «ошибочно придерживалась псевдонародного языка»⁴³.

В подзаголовке «Работника» значит — газета для русских рабочих. В передовой статье первого номера редакция заявляла: «Мы хотим по мере сил и возможности познакомить русский рабочий люд с житьем-бытьем и делами рабочих людей других земель; хотим познакомить их с тем, что думают другие работники о своем горьком положении и какими средствами хотят выйти из него. Мы пишем газету для работающего народа русского, вот почему она и называется «Работник»⁴⁴. Газета была детищем своего времени: редакция стремилась выделить городских рабочих из общей массы «рабочников», под которыми подразумевались главным образом

крестьяне. Большинство материалов было адресовано именно крестьянам. В. И. Невский писал по этому поводу, что «Работник» «вернее было бы назвать газетой для крестьян»⁴⁵. Однако это было бы несправедливо, потому что газета распространялась по преимуществу в заводских и фабричных районах, она предназначалась «для русских рабочих», и редакция, таким образом, следовала по намеченному направлению.

Главные темы всех выступлений газеты сводились к следующим: положение рабочих и крестьян; пропаганда сговора, бунта, стачки и лозунга «Земля и воля»; историческая борьба русского народа против государства; положение рабочих в Западной Европе и очерки истории международного рабочего движения. Редакция не могла похвалиться большим количеством корреспонденций из России (в этом смысле газета «Работник» значительно уступала «Вперед!»), но все же одно — два письма с мест публиковала «Вперед!» в каждом номере. Зато сравнительно со «Вперед!» редакция «Работника» привнесла новый элемент в революционную журналистику, а именно: рассказы из народной жизни.

В упомянутой программной статье первого номера «Почему мы печатаем газету» редакция недвусмысленно заявляла о своей аполитичности. Рассматривая различные формы правления — монархию или республику с выборными палатами и парламентом — она убеждала своих читателей в том, что все они в конечном счете служат интересам «сытых» за счет «голодных». «Вот все это вместе, — подчеркивалось в статье, — называется *политикой*»⁴⁶ (выделено в оригинале. — И. В.). Антиконституционная направленность газеты особенно четко проявилась в статье «Благодетели» четвертого номера. «Непрошенные благодетели» уже устроили по-своему жизнь рабочих в Западной Европе. Появились они и в России, ратуют за конституцию, а коснись до выборов, так будут выбраны кулаки, дворяне, заводчики — новоявленные благодетели народа. «Самодержавие надо долой, долой и благодетелей, которые народ обмануть хотят всякими конституциями. *На себя надейся!*»⁴⁷. В данном случае редакция всецело следовала известным призывам П. Л. Лаврова и М. А. Бакунина о принципе революции: «не только для народа, но и *посредством* народа»⁴⁸ (выделено в оригинале. — И. В.). Правда, идея организации народных сил, а тем более народной партии не получила в «Работнике» такого последовательного оформления, как во «Вперед!». «Русскому рабочему, — писала газета, — одно-

му не освободиться: ему надо *сговориться* промеж себя, ему надо сговориться с своими братьями в других государствах... Чтобы бунтовать, да чтобы из бунта вышел толк, *надо сговориться...*»⁴⁹. Конкретных же организационных форм «сговора» редакция не предлагала, исходя из анархического тезиса стихийной самоорганизации народных сил. Анархический федерализм редакторов проявился в очерках «Международное товарищество работников». Они не стремились выделить главное — действительную централизованную организацию. Однако сам факт обращения газеты к этой теме просвещения русских рабочих на истории международного рабочего движения является ее большой исторической заслугой.

К этой же тематике примыкает целый ряд статей и корреспонденций, главной идеей которых была пропаганда стачки. Это, как известно, была сравнительно новая для России форма революционной борьбы, поэтому всякая информация о ней являлась чрезвычайно ценной. Редакция и в данном случае стремилась приобщить русских рабочих к опыту пролетариата Западной Европы, с этой целью в газете была введена специальная рубрика: «Как живет и борется чужеземный рабочий». Под ней печатались материалы о текущих стачках рабочих Германии, Бельгии, Швейцарии и других стран. При этом разъяснялась суть стачечной борьбы, значение ее для объединения рабочих. Рабочим рекомендовалось бороться в первую очередь не за увеличение заработной платы, а за сокращение рабочего дня при том же вознаграждении. Во всех материалах этого рода постоянным рефреном звучал призыв: «Пора и русским рабочим за ум взяться; пора им сплотиться между собою на борьбу против общего врага; пора и им начать делать стачки...»⁵⁰.

Что касается нового общественного устройства, то редакция не шла дальше анархо-бакунистского лозунга «вольного союза вольных общин». В этом смысле примечательна статья «Земля и воля» десятого номера. В ней рассматривались особенности великорусской общины и малороссийской громады. Редакция видела будущее в уравнивании всех общин в правах и богатствах. «Только при таких порядках, — говорилось в заключении статьи, — будет Воля! Чтобы добиться их, крестьянство должно перестать верить в «царя-освободителя», должно войти в соглашение, в сговор с городскими, фабричными и заводскими рабочими. Вместе поведут они сговор, вместе сложат повсюдную на Руси рабочую силу, возьмут свою землю и установят Волю»⁵¹.

Большое пропагандистское и агитационное значение имели материалы по истории закрепощения крестьян, формирования дворянства и становления царской власти. Примечательны в этом отношении передовые статьи пятого и шестого номеров: «Русское государство» и «Борьба народа с государством». Князья и бояре, дворяне и царь прибрали к рукам все народные богатства и лишили народ всех вольностей. «Таким обманом и насилием сложилась та чудовищная машина, которая называется русским государством и посредством которой горсть злодеев — царь, дворяне и купцы — держат целый народ в рабстве»⁵². Не единожды восставал народ против царя и господ, тому примеры Степана Разина и Емельяна Пугачева, но много было розни среди крестьянства, мало единства — отсюда поражения и жестокие расправы. Только в единении, «сговоре» сила народная.

Агитационная функция газеты особенно ярко проявилась в материалах, посвященных текущим событиям революционной борьбы в России: арестам, судебным процессам, участникам «хождения в народ». В них прежде всего выделяются два момента: воспитание в народе сочувствия революционерам и призыв к отмщению. В статье «Как отзовется в народе последний суд!», по делу В. М. Дьякова, звучит недвусмысленный призыв к борьбе: «Когда же в самом народе найдут веру и сочувствие эти мученики за его волю, когда в народе проснется чувство мести?»⁵³. Более того — «этих людей нужно вырвать из когтей врагов». Когда редакции стало известно, что руководитель чигиринских крестьян Хома Прядко выдан предателем, она призывала к убийству шпиона. Правильно было замечено, что эти призывы газеты «Работник» звучат как отдаленные, еще не вполне ясные, раскаты боевой революционной грозы последующих лет⁵⁴.

В известной работе «Русский рабочий в революционном движении» Г. В. Плеханов дал высокую оценку историческому значению газеты «Работник». Она появилась именно в тот момент, когда передовые русские рабочие почувствовали настоятельную необходимость в своей, рабочей газете. Появление ее было «первой попыткой удовлетворения этой потребности. Изданием «Работника» деятельно интересовались многие из рабочих, вошедших потом в «Северно-русский рабочий союз»⁵⁵. «Мы вполне присоединяемся к давно высказанному мнению о том, что газета «Работник» представляет крупный исторический интерес; как первая попытка того времени дать народу популярный революционный орган, систематически

освещающий злобы дня русской и иностранной жизни»⁵⁶. Нужно только добавить, что издание первой революционной рабочей газеты было и естественным, и необходимым этапом на трудном и тернистом пути развития вольной печати. С «Работника» началось ее новое направление, которому суждено было стать генеральным.

§ 3. Журнал «Община»

Во второй половине 1877 г. стал заметен некоторый застой в развитии революционно-демократической печати: остановилось издание «Вперед!», еще ранее прекратила свое существование газета «Работник». Якобинский «Набат» стал выходить очень нерегулярно. Этот вакуум сразу почувствовался в русских революционных кружках и организациях, вполне сжившихся уже с мыслью о существовании сильной и хорошо поставленной заграничной прессы. Между тем развитие революционной борьбы в России настоятельно требовало скорейшего публичного обсуждения многих и многих злободневных вопросов. Острота и противоречивость этих вопросов отнюдь не уменьшились, а, наоборот, нарастали с каждым днем. Не были еще до конца осмыслены неудачи «хождения в народ», правительство начало большие процессы над его участниками, революционеры прибегнули к новой форме борьбы — поселением в деревне. Казанская демонстрация, уничтожение революционерами полицейских агентов и шпионов, постановка подпольных типографий внутри империи — все эти и многие другие факты чрезвычайно волновали революционную среду. Хотя в это время и стужевались идейные разногласия между лавристами и бакунистами, но теоретические поиски шли вглубь, вопросы практики и теории осмысливались с точки зрения предшествующего опыта и насущных задач текущего момента. Все настойчивее поднимались вопросы открытой вооруженной борьбы с правительством, крепла и набирала силу народническая землевольческая организация, да и одиозная еще недавно проблема политической борьбы не являлась уже пугающим жупелом — эта проблема все чаще и чаще становилась предметом ожесточенных споров и дискуссий в революционных кругах.

Что же касается эмигрантов, то без печатного органа они чувствовали себя не у дел. Революционное движение в России становилось все более и более самостоятельным, незави-

мым от эмиграции. Эмигранты могли держать действительную и живую связь с работающими на Родине товарищами только посредством активной издательско-литературной деятельности, хотя и в этом вопросе Россия приобрела уже значительную автономию с открытием подпольных типографий. Как ни парадоксально, но заграничные типографии вдруг остались без работы. Эмигранты чувствовали нравственную обязанность перед своими товарищами еще и потому, что среди них сосредоточились лучшие литературные силы партии и не использовать их было сущим преступлением в глазах действующих в России революционеров.

В силу этих причин в конце 1877 г. в Женеве сложилась группа редакторов — сотрудников нового журнала, получившего название «Община». В состав редакции вошли бывшие редакторы «Работника» З. К. Ралли и Н. И. Жуковский и бывшие «пропагандисты» Д. А. Клеменц и П. Б. Аксельрод. Именно они подписали вышедшее в конце 1877 г. программное «Объявление» о журнале «Община». А. Я. Киперман пишет: «Журнал набирался в типографии «Работника», его инициаторами была та же группа бакунистов»¹. Это не совсем правильно. Л. Г. Дейч писал по этому поводу: «Обе группы — «Работник» и «чайковцы» — решили совместно приступить к изданию органа, для чего соединили свои типографии»². Действительно, часть своего шрифта «пропагандисты» вывезли из Лондона в Женеву после прекращения издания «Вперед!». Можно предполагать, что позднее была использована также полностью или частично типография анархистов-бакунистов. Лопатин писал Лаврову 28 марта 1878 г.: «Кравчинскому удалось овладеть типографией Росса, заявив, что он его личный друг, что он берет ответственность на себя и возвратит ему ее лично в случае приезда того за границу. Это не худо, а то она даром беременила землю»³.

М. К. Элпидин особенно отмечал значение в делах «Общины» З. К. Ралли и Д. А. Клеменца. «Ралли как в журнале «Работник», так и в «Общине» был душою и запевалою революционных предприятий»⁴. Думается, в данном случае М. К. Элпидин преувеличивает роль З. К. Ралли. Если подобное мнение в большой степени было верным относительно «Работника», то по отношению к «Общине» это выглядит натяжкой. Ралли и Жуковский, будучи представителями поколения шестидесятников, значительно поупутили свои связи с Россией, у них не было реальной опоры в русских кружках и организациях. Ралли никак не мог быть «душою» издания

«Общины», долженствующей отражать живую практику движения и занятой поисками новых путей борьбы, — для этого надо было постоянно быть в гуще событий, происходящих в России. Интересные сведения по этому поводу содержатся в письмах И. Миллера, работавшего в то время наборщиком в типографии «Работника», П. Л. Лаврову. «Активные редакторы Кравчинский и Аксельрод, — писал он 28 марта 1878 г., — а также Клеменц, когда он в Женеве. Жуковский участия не принимает, Ралли — очень небольшое»⁵.

Этим самым мы вовсе не хотим умалить действительные заслуги Ралли. Он внес в издание «Общины» большой вклад и как редактор, и как сотрудник. В силу того обстоятельства, что его соредакторы были слабы как практические организаторы издательского дела, эти заботы легли главным образом на плечи Ралли. И главная забота — деньги. В том же письме Миллер отмечал: «Денежные дела плохи». В другом письме Лаврову, от 4 мая 1878 г., он писал: «До сих пор получено всего-навсего из России около 500 франков»⁶. И те же сетования в конце издания «Общины»: В. Н. Черкезов писал своему товарищу Деникеру 1 ноября 1878 г., что их «деньги где-то затратили на другое дело, и мы сидим у моря да ждем погоды»⁷. Наконец, последний документ этого рода. Близко стоявший к издателям журнала В. Буцкий сообщал Е. М. Берг 11 ноября 1878 г.: «До сих пор «Община» содержалась исключительно на средства 4—5 эмигрантов, средства чрезвычайно скудные, доставляемые здешними уроками. Надеялись на Россию, но оттуда ничего не присылают, даже тех денег, которые выручены за продажу «Общины». Говорят, что в Москве и Питере за продажу «Общины» выручено 700 руб., но где они — бог весть»⁸. В этих условиях, повторяем, главным добытчиком средств являлся З. К. Ралли. Безусловно, из упомянутых «4—5 эмигрантов» он был первым. Что касается Н. И. Жуковского, то Миллер писал правильно. Повторилась та же история, что с «Работником»: загоревшись новым делом, Жуковский быстро остыл к нему — таков уж был человек.

Яркой противоположностью последнему был Д. А. Клеменц. К моменту основания «Общины» он уже окончательно сформировался как видный журналист революционной печати. Им было написано «Объявление» об издании журнала⁹, хотя, разумеется, оно обсуждалось и утверждалось всеми редакторами. Он же составил передовую статью первого номера¹⁰, а также в № 6—7 «Сами виноваты» и в № 8—9 «По

поводу завещания». Ш. М. Левин считал, что Клеменцу принадлежали: в № 2 первая корреспонденция «Из Петербурга», в № 3—4 «Петербургская жизнь», в № 5 «Из С.-Петербурга», в № 6—7 «Из С.-Петербурга» и некролог М. В. Куприянова. Некролог же А. И. Сердюкова в № 5 за подписью «Один из чайковцев» мог принадлежать, по мнению Левина, как Клеменцу, так и Кравчинскому¹¹. Добавим, ссылаясь на точное свидетельство Г. А. Лопатина, что в № 2 корреспонденция «Из Красноуфимска» написана Клеменцем¹². Лавров назвал ее «интересной»¹³.

Предположения Ш. М. Левина вполне основательны, и мы согласны с ним. Языковые и стилевые особенности, композиционная форма корреспонденций позволяют отнести их перу Клеменца. Можно сделать лишь такую оговорку: если и не все они написаны Клеменцем, то наверняка все собраны и отредактированы им. Ведь еще до выхода первого номера, в январе 1878 г., он был отозван в Петербург, вернулся в Женеву в начале лета, а в конце августа того же года вновь выехал в Россию по делам газеты «Земля и воля». Конечно же, болея душой за журнал и будучи цепким и продуктивным журналистом, Клеменц много писал сам и организовывал материалы для «Общины». «Клеменц уехал в Россию, — пишет Е. А. Таратута, — обещая регулярно присылать свои корреспонденции, отчеты о шедшем процессе 193-х и другие материалы»¹⁴. Не случайно И. Миллер отмечал в упомянутых выше письмах Лаврову: «Статьи мало-мало идут из России» (в марте), «материалы... для «Общины» прибывают в значительном количестве»¹⁵ (в мае). Кстати сказать, здесь же Миллер сообщал, что «Письмо одного из подсудимых» в первом номере написано Костюриным¹⁶.

Что касается П. Б. Аксельрода, то его статьи придавали «Общине» теоретическую солидность и основательность. Это относится прежде всего к большим его работам «Итоги социал-демократической партии в Германии» и «Переходный момент нашей партии». Оценивая №№ 1 и 2 «Общины», Лавров писал Лопатину: «Статья Аксельрода написана очень умно и талантливо, хотя кое с чем нельзя согласиться», «Лучше всех, по-моему (в литературном отношении), статья Аксельрода, он имеет талант»¹⁷.

Среди сотрудников журнала была целая группа способных и талантливых публицистов, как начинающих, так и приобретших уже в нелегальной печати известность. Это в первую очередь В. Н. Черкезов, Л. Г. Дейч, Я. В. Стефанович, А. Л.

Эльсниц, М. П. Драгоманов. Постоянными авторами «Общины» были видные французские коммунары А. Арну, Э. Реклю, Р. Кан. Можно сказать, журнал собрал воедино целое созвездие талантов. Но это обстоятельство имело и свои отрицательные свойства: редакционный коллектив «Общины» не являлся сплоченным союзом единомышленников, как это было во «Вперед!», «Набате» и даже «Работнике». Более или менее цельное ядро представляли бывшие «пропагандисты», хотя и они сильно разнились в своих теоретических построениях. Совершенно различных программных направлений придерживались В. Н. Черкезов и М. П. Драгоманов. Не погрешая истиной, можно смело сказать, что это был первый и единственный случай в русской революционной печати 70—80-х годов объединения в одном журнале такого количества сотрудников разного «исповедания веры». Ниже мы скажем о том, как это проявилось на физиономии «Общины».

Другой отличительной особенностью журнала стало то, что — также впервые — многие материалы печатались за полной подписью авторов. Вроде бы незначительный на первый взгляд, этот факт отражает многое. Печать стала привычной нормой революционной жизни. Редакторы и сотрудники не таились от правительства, хотя многие из них не были натурализовавшимися эмигрантами и в любой момент в интересах дела могли поехать в Россию. Факт этот в некоторой степени говорит о выработавшемся в революционной среде сознании своего достоинства и силы.

Появление нового вольного издания было встречено с большим интересом как в России, так и в эмиграции. Лестную оценку первому номеру дали П. Л. Лавров и Г. А. Лопатин, судьи, что называется, самые авторитетные. В феврале 1878 г. Лопатин писал Лаврову: «Пришлите письмо приличного человека для «Общины». Ведь она весьма *прилична* (Г. Л.), несмотря на множество недостатков»¹⁸. В свою очередь Лавров отмечал: «№ 1 «Общины» очень порядочный. Лучше всего — материал, особенно письмо заключенного» (Костюрина. — И. В.). Но тут же высказывал ряд критических замечаний: «Передовая начата хорошо, но как бы оборвана. Статья Черкезова и итальянские письма очень слабы». «Все го лучше, — добавлял Лавров, — что нет полемики со «Вперед!»¹⁹. Этот последний момент подметил и безымянный автор письма, посланного 24 марта 1878 г. из Одессы в Петербург К. Панкееву. «Читали ли «Общину», — писал он, — этот новый революционно-социалистический орган в Женеве? Цел

его — примирить все партии социалистов. Более всего подходит к «Вперед!» Менее всего, разумеется, к «Набату». От «Вперед!» несколько отличается тем, что не исключительно пропагандистский, а с примесью якобинского элемента»²⁰. Остается только восхититься этой удивительно точной и емкой характеристикой. Автор ее, безусловно, находился в центре революционных событий или, по крайней мере, был связан с радикальной средой самым тесным образом, иначе откуда взялся такому основательному знакомству с нелегальной печатью.

Это письмо говорит о том, что в России ознакомились с «Общиной» вскоре после ее выхода в свет. Приведем в этой связи еще один документ. Студент Медико-хирургической академии Я. М. Девятов писал 31 мая 1878 г. из Петербурга в Казань своему товарищу студенту О. Н. Латунникову: «Долго ожидаемый транспорт из-за границы едет и скоро будет в Питере. Поторопитесь высылкою денег. Если покупка будет не меньше, чем на 20 руб., то будут высылать бесплатно заграничную «Основу»²¹ («Общину», конечно. — И. В.) Вспомним к этому же упомянутое выше письмо В. Буцкого о проданных номерах журнала. Поэтому никак нельзя согласиться с утверждением Л. Г. Дейча, будто «Община» «имела ограниченный успех в России и мало распространялась»²². И мы всецело поддерживаем обратное мнение А. Я. Кипермана²³.

Прежде чем обратиться к анализу содержания и характеристике направления журнала, приведем здесь чрезвычайно любопытный документ — выписку из жандармского «Обзора нелегальной печати за 1860—1880 гг.», которая как бы суммирует все вышесказанное. Как легко убедиться, этот краткий очерк «Общины» составлен весьма квалифицированно и со знанием дела. Он лишний раз свидетельствует о том, какое большое внимание уделяло правительство и его полицейские службы революционной печати.

«Община» представляет известный интерес, во-первых, потому, что в ней принимали участие выдающиеся литературные силы нашей революционной среды конца 70-х годов (Сергей Кравчинский, Аксельрод, В. Черкезов, Драгоманов, Жуковский, Дмитрий Клеменц, Яков Стефанович), и во-вторых, потому, что эта газета стала выходить именно в то время, когда заканчивался тот период нашего революционного движения, который характеризуется «хождением в народ», закончившийся, как известно, крайне неудачно для революционеров, и побуждает их оглянуться назад, подвергнуть критике

все то, что ими было сделано за 6—7 лет, и выдвинуть вопрос, что делать дальше? Эти попытки самосознания и искания новых путей составляют главное содержание передовых статей «Общины». Независимо от этого редакция имела хорошие связи с Россией и за границей, а потому отдел корреспонденций, вообще не особенно значительный по содержанию своему, много выше таковых же отделов других заграничных революционных органов»²⁴. (Последнее явно неверно, по широте географии и разноплановости корреспонденций много предпочтительнее «Вперед!» — *И. В.*) Автор «Обзора», чиновник по особым поручениям Грифцов, отмечал, что среди постановочных материалов журнала обращает на себя внимание передовая № 1, статьи: Аксельрода «Переходный момент нашей партии» и Стефановича «Наши задачи в селе».

Отличительной чертой «Общины» являлось то, что журнал был задуман и издавался прежде всего для самих участников борьбы, по словам П. Б. Аксельрода, — для «выяснения теоретических и тактических вопросов, связанных с революционным движением»²⁵. Пришло время, отмечалось в «Объявлении» об издании «Общины», «подвести итоги своему прошлому и привести в известность сделанное до сих пор, и на основании своего опыта и опыта социалистической борьбы других стран, путем взаимного обмена мнений, определить порядок и характер этих действий. С целью содействовать этой работе мы и предполагаем выступить с периодическим изданием на русском языке за границей»²⁶. Факты революционной истории последнего времени, «которые есть гордость русских мыслящих людей», страдания в казематах, судебные расправы — все должно отразиться на страницах вольной печати.

В теоретической части «Объявления» редакторы высказывались в духе сугубо народнических построений: «Борьбу за общину против покушений буржуазных хищников и либеральных бюрократов на крестьянское достояние и мирское самоуправление, отстаивание интересов мира и забота о развитии принципов коллективного владения орудиями труда и солидарности, мы считаем одною из самых насущных и благородных задач русского социализма»²⁷. Благополучие народа может быть обеспечено «лишь в свободном союзе автономных общин, при коллективном и равноправном пользовании орудиями труда и средствами к всестороннему развитию личности, при порядке общежития, гарантирующем полную свободу лица в группе и группы (общины) в союзе равно-

правных групп (общин). Мы смотрим на вольную федерацию общин как на первый шаг, с которого должна начаться новая фаза общественного развития»²⁸.

Оставаясь в главном бакунистами, Клеменц и другие редакторы «Общины» внесли в свою программу существенные поправки на основе опыта прошлых лет и теоретических работ П. Л. Лаврова. В частности, «организация протестующих сил народа, возбуждение протестов, агитации против злоупотреблений должны идти в деятельности социалистической партии рука об руку с пропагандою», надо готовить «боевую организацию и борцов для революции». Для этого нужно «слиться возможно теснее с народом, жить его жизнью, изучить его быт, мирозерцание, характер и потребности»²⁹.

Вместе с тем редакция высказывала свое решительное несогласие с якобинской программой П. Н. Ткачева и «Набата»: «Всякие попытки основать свою деятельность на захвате власти, на претензиях управлять народом и навязывать ему свою волю не имеют прочного будущего».

Редакторы видели свою задачу в расширении связей с борющимся пролетариатом всех стран, особенно славянских. Мы последователи федералистического Интернационала, заявляли они, и «распространители его идей на русском языке». В данном вопросе, как и «Работник», «Община» стояла на бакунистских позициях. В конце «Объявления» был наметен примерный план журнала: передовые статьи по вопросам текущей жизни и по теоретическим вопросам социализма, известия и письма русские и иностранные, хроника народной жизни в России и на Западе. Как правильно заметила Т. М. Кириченко, редакция в процессе издания в основном придерживалась этого плана³⁰. В целом же «Объявление» нельзя назвать строго выдержанным программным документом. В нем преобладали общепринятые народнические декларации, мало было конкретных и реальных выводов, в которых как раз более всего нуждалось революционное движение в тот период. Об этой программе, писал И. Миллер, «Кравчинский сам отзывается нелестно, это, мол, не более как объявление. Сами они не рады, что она увидела свет»³¹.

Зато уже передовая первого номера дышала животворным воздухом текущих революционных событий. Она была написана в страстном обличительном тоне. Наряду с Лавровым, Д. А. Клеменц одним из первых среди русских революционных публицистов определял политические процессы как арену борьбы против самодержавия. Политические процессы, писал

он, превращаются у нас «из орудия подавления социализма в орудие пропаганды его... такое отношение русских социалистов к суду зачтется им в заслугу не одной только нашей партией, но всем русским обществом, всяким честным человеком»³². В статье содержалась оценка новых явлений и новых форм борьбы русской революционной действительности. В частности, Клеменц отмечал, что в настоящее время заметно преобладание оседлой пропаганды и стремление войти в союз с протестующими элементами мира. Казанская демонстрация — яркое доказательство того, что революционеры не удовлетворяются уже одной словесной пропагандой. Горячая страстность передовой статьи подкреплялась зажигательными и революционно-воспитующими материалами процесса «193-х», среди которых самым волнующим документом была речь И. Н. Мышкина.

Этот дух горячего революционного энтузиазма поддерживался статьями и корреспонденциями С. М. Кравчинского. Мы не будем рассматривать их детально, сославшись на фундаментальную работу Е. А. Таратуы, подробно охарактеризовавшей творчество Кравчинского в «Общине»³³. Напомним только, что сразу же по прибытии в Женеву в январе 1878 г. он вошел в состав редакции журнала. Им были написаны корреспонденции о событиях революционной борьбы в Италии, статьи о В. И. Засулич, процессе «193-х» и др. Эти материалы вызвали противоречивые оценки П. Л. Лаврова и Г. А. Лопатина. Например, после прочтения второго номера журнала, Лавров писал Лопатину 23 марта 1878 г.: «Передовая Кравчинского мне не особенно понравилась, а итальянская корреспонденция его совсем слаба, по-моему». Вскоре Лопатин отвечал: «Передовица в № 2 «Общины» показалась мне написанной горячо и талантливо, хотя, конечно, преувеличениям нет конца. Анализ итальянского движения поставлен на почву личного наблюдения и интуиции, на которой мудрено спорить. Я спорил лично, но бесплодно, когда видел автора»³⁴.

Несмотря на эти разночтения статьи и корреспонденции С. М. Кравчинского были с одушевлением встречены большинством русских революционеров прежде всего потому, что они были проникнуты верой и убежденностью в торжестве дела социализма. Они призывали к отшельничеству и более энергичной революционной деятельности. Возьмем на себя смелость сказать, что из всех материалов «Общины» пафос практической революционной борьбы прозвучал у Кравчинского наиболее явственно и призывно.

К главным проблемным материалам «Общины» следует отнести статьи П. Б. Аксельрода «Переходный момент нашей партии» и Я. В. Стефановича «Наши задачи в селе», опубликованные в № 8—9. В них авторы подводили итоги предыдущей деятельности, объясняли ошибки и намечали пути дальнейшей борьбы. Аксельрод дал очень точный и рельефный портрет текущего момента: «Наше революционное движение проходит теперь критический момент своего развития... Хаотическое состояние умов, отсутствие ясных определенных взглядов на основные цели и средства социальной революции, полное отсутствие организации или правильного распределения функций между разными составными элементами нашей партии и постоянного тесного отношения между ними — такова в самых общих чертах характеристика современного ее состояния»³⁵. Оценивая «хождение в народ», Аксельрод писал, что революционеры слишком легко и поверхностно отнеслись как к подготовке этого акта, так и его проведению. Дело было сведено исключительно к пропаганде среди крестьянства, да и здесь царила неразбериха и неорганизованность. «Приходится еще изумляться значительности его результатов. Великая сила энтузиазма так плодотворна, что привлекла внимание всего цивилизованного мира к социалистическому движению в России»³⁶.

Что же делать дальше? «Мы можем, — писал Аксельрод, — и должны направить наши усилия на отыскание более широких и верных путей». Хотя заграничная печать не может разрабатывать вопрос об основаниях революционной деятельности в России, но общее направление видится таковым: широкая деятельность от теоретической пропаганды до активной борьбы в рядах народа, оседлость в волостях и городах с целью формирования народной партии, построенной на принципах федерализма³⁷.

Через всю статью Аксельрода красной нитью проходит мысль об организации революционной прессы, «возможно более обширной и разносторонней», проникающей во все слои населения. Она позволит правильно понять прежние ошибки и уберечь от новых. Только печать может прочно объединить практиков движения и теоретиков социализма, позволив последним развернуть все свои таланты и способности. Революционеры должны понять, что пресса имеет самое непосредственное *практическое* (выделено П. А.) значение в борьбе. «Необходимо, наконец, обратить серьезное внимание на организацию в обширных размерах социалисти-

ческой прессы», — заключал Аксельрод. Причем, по его мнению, печать непременно должна быть теоретически глубокой.

Я. В. Стефанович также обратился к истории недавнего революционного прошлого, однако оценил его крайне субъективно, ошибочно. «Наши приемы пропаганды социализма», — писал он, — средства нашего практического образа действий заимствованы нами из Запада; они — не наши, они — не выработаны на почве условий родной нашей страны»³⁸. Его тут же поправил П. Б. Аксельрод: «К чему взваливать на бедную Европу наше собственное незнание. Наши средства действия, действительно, «наши» — родное дитя нашей неопытности и нашего неведения относительно действительного положения вещей как у нас, так и на Западе»³⁹. Наоборот, будь русские революционеры лучше информированы о методах борьбы европейского пролетариата, то не наделали бы столько ошибок. Стефанович признавал влияние идей научного социализма и Интернационала, однако писал, что «возможность успешного, всестороннего проведения в жизнь идей социализма не имеет почвы для себя в русском народе, каков он есть в настоящее время»⁴⁰. Нужна организация народных сил при самых различных способах действия, начиная с убийства какого-нибудь жандарма, до ознакомления городских рабочих с учением социализма».

Можно сказать, что эти проблемные статьи «Общины» не привносили ничего принципиально нового, оригинального в теорию движения. В них много было расхожих мнений, рассудочности, но мало конкретных выводов и обобщений на злобу дня, чего, повторяем, более всего ждали революционные кружки и организации. Сам Аксельрод, говоря об основании газеты «Земля и воля», точно подметил эту «возникающую потребность в агитационной прессе». В этом смысле русская подпольная печать и, в частности, только что созданная «Земля и воля» пошли дальше.

Много неясностей и противоречивых суждений было в «Общине» и по вопросу о политической борьбе и конституционном движении. Справедливо пишет Т. М. Кириченко, что редакция «в этом вопросе занимала двойственную позицию»⁴¹. Еще в «Объявлении» редакция заявляла, что она отвергает какие-либо демократические улучшения государственного строя, потому что они ничего не дадут. Аксельрод призывал «употребить с нашей стороны все усилия, чтобы политическая борьба не сбила нас с социалистического пути и не дезорганизовала окончательно социалистические элементы в Рос-

сии»⁴². Вместе с тем журнал одобрительно отзывался об убийстве шпионов, о покушениях на особо зверствующих государственных чиновников. Д. А. Клеменц в статье «Сами виноваты» выступил против руководства германской социал-демократии, поднявшей шум возмущения против покушения Геделя. Когда расстреливают парижских коммунаров и русских революционеров, когда их заживо погребают в Новой Каледонии и Сибири, он не осуждает смертную казнь царствующих палачей — это священное право революционеров. Да и сам Аксельрод осудил трусость функционеров германской социал-демократии, отказавшихся от каких-либо решительных действий и скатившихся на путь пресловутого буржуазного парламентаризма⁴³.

Однако и неправоммерно требовать с редакторов «Общины» четкой и определенной позиции по этому вопросу. С одной стороны, над ними довлел многолетний груз аполитизма, с другой, — революционное движение в России только нащупывало путь политической борьбы, проявления ее не были массовыми. Многим еще казалось, в том числе и редакторам журнала, что вооруженные акции не более как средство самозащиты, а не как новое и главное направление в деятельности русских революционеров.

Среди всех революционно-демократических печатных органов 70—80-х годов журнал «Община» был, пожалуй, самым «европейским». С ним может сравниться разве что «Вперед!». Но если международное революционное движение было представлено во «Вперед!» в основном в корреспонденциях и заметках, то для «Общины» характерны объемные многостраничные статьи, зачастую переходящие из номера в номер. Особенно много материалов было посвящено Парижской Коммуне. Этим материалам в значительной мере был присущ эмоционально-описательный характер, в ущерб политическому анализу и практическим выводам на основе опыта Коммуны. Например, П. Л. Лавров назвал статьи З. Ралли и Р. Кана («Революция 18 марта» и «Воспоминания о кровавой неделе») в № 3 откровенно слабыми. Да и мудро было после работ К. Маркса и самого Лаврова сказать о Коммуне что-то более глубокое и политически значимое. Не случайно Лавров определил статью Ралли как «пережевывание давно сказанного»⁴⁴. В журнале было широко представлено революционное движение всей Европы и Северо-американских соединенных штатов. Эти материалы, помимо сугубо информационных целей, преследовали задачу воспитания у русской молодежи

более прочных социалистических знаний. И самое главное, так же как это повелось во «Вперед!» и «Работнике», редакция «Общины» стремилась сделать опыт европейского революционного движения достоянием русских революционеров.

Журнал не вполне оправдал возлагавшиеся на него надежды. Он не стал руководящим органом всего русского революционного движения. Детально рассматривая опыт предстоящей борьбы, редакция «Общины» довольно несмело вторгалась во всесторонний анализ текущих событий. Журнал не стал также органом какой-либо организации или группы кружков, чтобы черпать живительную силу их и быть причастным к текущей революционной действительности самым непосредственным образом. Иными словами, «Община» не могла поспеть за быстротекущими событиями там, в России. А события эти говорили о том, что на главные роли выходит новая революционная пресса — подпольные издания. Еще в мае 1878 г. Г. А. Лопатин писал П. Л. Лаврову: «Для меня ясно одно — заграничным журналам приходит конец. Ясно, что они уже могут издаваться теперь в России, где распространение много легче, чем из-за границы»⁴⁵. Кстати сказать, Лопатин одним из первых заметил и новые явления в русской революционной действительности. В марте того же года он писал Лаврову, что, по его наблюдениям и по информации, поступающей из России, «движение в народ совершенно прекратилось», «в молодежи замечается поворот к якобинству, хотя и не в духе «Набата»⁴⁶. В этих обстоятельствах дальнейшее издание «Общины» теряло первоначальный смысл. Журнал сыграл уже свою роль и передал эстафету вольной печати «Земле и воле», принципиально новому органу русской революционно-демократической журналистики.

§ 4. Журнал и газета «Набат»

Якобинские идеи, с которыми выступил П. Н. Ткачев в брошюре «Задачи революционной пропаганды в России», имели под собой определенную почву. Хотя главная масса русских революционеров окончательно и бесповоротно порвала с неблагоприятными принципами нечаевщины, отвергая вместе с тем всякие проявления бланкизма, у С. Г. Нечаева остались все же отдельные последователи. В эмигрантской среде таких крайних якобинских взглядов придерживались Г. Турский и К. Яницкий. Первый из них, оказавшись во Франции в са-

мом конце шестидесятых — начале семидесятых годов, всецело воспринял бланкистские идеи тайного заговора и стал их активным пропагандистом. Еще более крайнему оформлению этих идей способствовала дружба Турского с Нечаевым, с которым они вместе жили в Цюрихе в 1872 г.¹ Почти одновременно с выходом первого тома журнала «Вперед!» группа Турского, Яницкого и других русско-польских эмигрантов оформилась в так называемый «Славянский кружок» с ярко выраженной якобинской направленностью. Кружок выступил с яростной критикой программы журнала «Вперед!». Карл Яницкий выполнил несколько талантливых и едких карикатур, на одной из которых, например, изображались впереводы,двигающиеся в революцию верхом на раке².

По-видимому, сближение группы Турского и Ткачева произошло в середине 1874 г., когда последний выступил с упомянутой брошюрой. Г. Турский писал в 1924 г. В. Л. Бурцеву: «Программа общества, которую все вы называете программой «Набата», была выработана за границей раньше, чем Ткачев был здесь. По приезде своем он был с Лавровым. Мы его конспиративно привлекли к себе»³. Не все в этих словах можно принять безусловно. Программа «Набата», каким он вошел в историю вольной русской печати, определялась прежде всего Ткачевым. Но характер деятельности и организационные принципы самого якобинского кружка, где инициатором всех начинаний был Турский, сложились задолго до того, как Ткачев дал свое имя новому направлению. Обращает на себя внимание последняя фраза этого письма: «Мы его конспиративно привлекли к себе». Очевидно, «отторжение» Ткачева от редакции «Вперед!» произошло не вдруг. Ведь он всерьез рассчитывал сотрудничать в журнале П. Л. Лаврова, стремясь повернуть «Вперед!» в свою сторону или, по крайней мере, добиться в нем равного с Лавровым права голоса при определении принципиальных статей. «Я отказался от сотрудничества в вашем журнале, — писал Ткачев, — потому что вы отказались предоставить мне, наравне с вами, право решающего голоса в выборе и помещении статей, право контроля над общим направлением журнала»⁴. Б. П. Козьмин высказывал соображения о том, что, возможно, Большое общество пропаганды, организуя побег Ткачева из ссылки, надеялось с его помощью обратить направление «Вперед!» в свою пользу. В одном из своих писем Н. А. Чарушину Козьмин спрашивал: «Не было ли у Ткачева каких-либо, хотя самых маленьких, хотя бы с натяжкой, оснований считать себя

кем-либо уполномоченным вмешаться в руководство журналом и стараться изменить его направление?»⁵

Незадолго перед выходом в свет брошюры «Задачи революционной пропаганды в России» в частном письме к П. Л. Лаврову Ткачев уведомлял редактора «Вперед!», что план обещанной статьи по крестьянскому вопросу в России готов, но ее приходится пока отложить из-за недостатка материалов. Вместо нее он пишет статью, близкую по тематике статье В. Н. Смирнова «Революционеры из привилегированной среды». «Называться она может «Русская молодежь и социальная революция»⁶. Напрашивается предположение: не превратил ли Ткачев эту статью в указанную брошюру? Возможно, именно в процессе ее написания Ткачев решил выступить со своей программой...

Обе договорившиеся стороны (кружок Турского и П. Н. Ткачев) не могли обойтись друг без друга. Турский имел кое-какие первоначальные средства, на которые, кстати сказать, и была издана брошюра Ткачева. За Ткачевым же был большой публицистический талант, авторитет в литературных кругах и редакторский опыт. Вместе их объединяло большее или меньшее единство идейных взглядов. Своей брошюрой Ткачев в значительной степени предопределил направление «Набата», изложил в сжатом виде взгляд на задачи революционной борьбы в России.

Основная мысль Ткачева заключалась в том, что журнал «Вперед!», ратующий за постепенное и планомерное подготовку революции, совершенно не отвечает задачам текущего момента. Настало время решительных действий: «*Теперь* или очень нескоро, быть может *никогда!* *Теперь* (выделено Ткачевым. — И. В.) обстоятельства за нас, через 10, 20 лет они будут против нас». Поэтому всякая «истинно-революционная партия должна видеть «своею первостепенною задачею не подготовку революции вообще, в отдаленном будущем, а осуществление ее в возможно ближайшем настоящем»⁷. Нужно «делать революцию», организовать молодежь на борьбу с политическими институтами России — всякая же иная деятельность неревolutionна и преступна, она прямо наруку III отделению.

Столь резкая, в большой степени несправедливая критика «Вперед!» вызвала бурю возмущения против Ткачева среди русских и зарубежных революционеров. Символичным является тот факт, что одним из первых осудил эти якобинские тенденции Ткачева Ф. Энгельс⁸. П. Л. Лавров получил в свою

поддержку много писем. Например, Е. Д. Субботина писала ему: «Статья эта ужасно меня возмутила... Прочтя его статью, я вынесла такое впечатление, что эта личность должна стремиться к диктатуре»⁹. «Недавно мне попала в руки брошюра брата, — писала С. Н. Криль, сестра Ткачева, — которая глубоко огорчила меня и возмутила до глубины души. Когда он уезжал за границу, я рассчитывала, что, познакомившись с Вами и с представителями европейских социальнo-революционных партий, он откажется от точки зрения революционеров-якобинцев, на которой стояла наша молодежь в начале нынешнего десятилетия и на которой он замерз благодаря беспрестанным арестам... Ожидания мои не сбылись». «Прошу прощения», — писала С. Н. Криль, — «за те недостойные нападки, которые он позволил себе относительно Вас»¹⁰.

Для уяснения русской молодежи ее истинных целей, для развенчания узко заговорщической тактики якобинства П. Л. Лавров вынужден был вступить в открытую полемику против П. Н. Ткачева со своей брошюрой «Русской социальнo-революционной молодежи». Ввергать неподготовленный народ, писал он, в кровавый революционный переворот — преступление. Заговорщики не задумываются, какой ценой это будет стоить народу, который понесет тяжелое бремя репрессий и страданий. «Так из-за вашего революционного зуда, из-за вашей барской революционной фантазии вы бросите на карту будущность народа?»¹¹ — с возмущением спрашивал Лавров.

Ткачев обвинял Лаврова и «Вперед» в либерализме, отсутствии революционного энтузиазма, что, безусловно, искажало истину. «Революция, но не попытка к бунту, — писал Лавров. — Революция обдуманная, рассчитанная, хорошо вооруженная, надлежащим образом подготовленная, а не безумная забава революционными порывами»¹². Путь подготовки революции лежит через пропаганду в рабочих артелях и крестьянских общинах. Он предполагает уяснение народом существующих общественных отношений, возбуждение его к действию, распространение недовольства к самодержавному строю. Такая пропаганда суть агитация. «*Пропаганда понимания общественного зла есть по своей сущности агитация против этого зла*»¹³ (выделено Лавровым. — И. В.) В свою очередь, агитация должна зиждиться на пропаганде «революционных истин в их практическом применении к наличному положению дел», то есть агитация станет действенной не посредством искусственного, преждевременного возбуждения

народа, но путем последовательной пропагандистской работы. Эту задачу в состоянии осуществить только организация революционеров, действующих в народе одновременно пропагандой и агитацией.

Критикуя Ткачева, ярко выраженную политическую направленность его брошюры, Лавров объяснял, почему «Вперед!» отдает предпочтение социальной борьбе. Он опасался, что «рутина старых революционных партий придаст слишком много значения политическому элементу нового движения»¹⁴. Это может привести к установлению власти других эксплуататорских классов и партий. Главной целью революции должны стать экономические преобразования общества. Поэтому новое движение должно опираться в основном не на интеллигенцию, а должно «широко и глубоко идти в народ».

Таким образом, еще до появления «Набата» в свет П. Н. Ткачев и его якобинское окружение приобрели в революционной среде скандальную известность. «Эта достойная сожаления резкость, — отмечал журнал «Общее дело» в № 83 за 1886 г., — произвела дурное впечатление на читателей нашей революционной прессы, сразу поставила П. Н. в изолированное положение среди русской эмиграции и заставила заговорить о его чрезмерном самолюбии и властолюбии»¹⁵. Когда через некоторое время стал известен личностный состав кружка П. Н. Ткачева, то его прямо стали связывать с именем Нечаева, со всеми вытекающими отсюда отношениями: неприятием, гневным осуждением и полной враждебностью. «Ткачев одним своим именем (купно с Турским. — И. В.), — вспоминал Л. Г. Дейч, — вызывал у многих к себе такое озлобление и негодование, какого не припомню, чтобы кто другой из эмигрантов внушал к себе»¹⁶. На это же впоследствии указывал П. Л. Лавров: «из-за своего личного состава эта группа не пользовалась среди русской социалистической прессы за границей никаким моральным влиянием...»¹⁷ То же отмечал и сам П. Н. Ткачев. После первых выступлений «Набата» значительная часть революционной молодежи отнеслась к нам если не прямо враждебно, то во всяком случае далеко не дружелюбно. *Мы шли против течения...*¹⁸ (выделено П. Т.).

Среди своих товарищей П. Н. Ткачев был во всех отношениях самой крупной фигурой. Несмотря на отрицательное к нему отношение, все русские эмигранты считали его «исключительно талантливым публицистом и полемистом»¹⁹. Подводя итог деятельности П. Н. Ткачева, П. Л. Лавров, отбросив

личную неприязнь, все наносное и преходящее, сказал над его могилой в 1884 г. следующие слова: «Энергия и талант Ткачева поставили его во главе отдельной группы. В продолжение нескольких лет он успел придать этой немногочисленной группе вид значительной и сильной партии. Если женеvский «Набат» был мало распространен в молодежи, он был кошмаром русских прокуроров, и полиция смотрела на Ткачева как на главу опасного движения, угрожающего сиеминутно потрясти престол»²⁰. О том, что действительно власти были такого мнения, свидетельствует донесение известного агента III отделения Молчанова от 28 декабря 1876 г.

Кстати, о его отношениях с редакцией «Набата» следует сказать особо. А. Н. Молчанов являлся неофициальным редактором газеты «Киевский телеграф», закрытой за перепечатку из «Вперед!» корреспонденций В. Н. Смирнова о Швейцарии. По приезде в Женеву, он по рекомендации набатовца Л. А. Паначини сблизился с редакцией «Набата». Когда в № 34 «Вперед!» за 1876 год П. Л. Лавров дал ответ статье Молчанова «Насущные практические вопросы», редакция предоставила последнему возможность для ответа. В № 7—8 «Набата» за 1876 г. была помещена статья Молчанова «Что мы должны делать? (Мой ответ редактору «Вперед!»), где развивалась идея общего съезда представителей всех течений русских революционеров. Молчанов приобрел в делах «Набата» большое влияние и даже, по словам Б. П. Козьмина, при отъезде Ткачева заменял его как редактор²¹. Конечно, он был хорошо информирован в делах издания. Однако справедливости ради надо сказать, что Молчанов вступил в контакты с III отделением позднее, в конце 1876 г. Добавим здесь, что и Паначини оказался впоследствии предателем. Арестованный с транспортом литературы, он выдал всех, в том числе профессора Львовского университета Богдановича, осужденного потом на четыре года каторги²².

Партия «Набат», — сообщал Молчанов в указанном письме, — «опасна не только в моральном ее влиянии, но и в практическом отношении»²³. Несколькими днями ранее он представил в Петербург список членов кружка «Набата». Помимо Г. Турского и К. Яницкого, Молчанов указывал на следующих лиц: бывший студент Медико-хирургической академии, проживающий по фальшивому турецкому паспорту на имя Родайко²⁴; Шернваль, служил в Тульском окружном суде, проштрафился, бежал, проживает под именем Столешникова; Варфоломей Болдырев, из донских казаков, губер-

ский секретарь, также учился в Медико-хирургической академии; Михаил Шрейдер²⁵ (М. Френк. — *И. В.*), богат, дает Ткачеву деньги на «Набат». Причем, с присущей ему иезуитской инициативой, Молчанов добавлял о двух последних, что они желают помилования, их «можно уговорить повиниться в посольстве». Будучи умным агентом, бывшим ни много, ни мало кандидатом прав Санкт-Петербургского университета, Молчанов дал меткую характеристику Турскому: он «самый опасный член партии. У него хранится архив компрометирующих документов на молодежь, поддерживающую революционеров. Друг Нечаева»²⁶. Как говорится, ни убавить, ни прибавить: известный метод нечаевщины. И в последующее время III отделение не оставляло своим вниманием «Набат». В начале января 1879 г. венский агент Стемпковский (выдавший в 1872 г. С. Г. Нечаева швейцарской полиции. — *И. В.*) доносил, что некто загадочные русские Петр Субботин и Петр Либишев передали в Женеве Ткачеву 3 тысячи франков и направились в Россию с большим количеством запрещенных книг²⁷. В начале января 1879 г. послал свои сведения о «Набате» в МИД России германский посол в Петербурге²⁸. Хотя сведения не содержали в себе ничего существенного, но в данном случае важен сам этот факт: после покушений на Вильгельма I германские власти стали придавать серьезное значение русскому революционному органу.

Теперь обратимся к важнейшей стороне всякого эмигрантского издания: связям с Родиной. Каковы были эти связи у «Набата»? О них имеются очень скудные и противоречивые сведения. В одних источниках утверждается, что набатовцы почти не поддерживали с Россией каких-либо сношений, в других же — эти связи имелись во многих городах страны. В. Н. Смирнов писал, например, 10 июня 1876 г. Р. Х. Идельсон: «Набата» в России совсем нет»²⁹. Г. А. Лопатин сообщал П. Л. Лаврову 4 октября 1877 г., что «Набат» трудно достать даже в Женеве, потому что «набатчики не меняются (своими изданиями), не дарят и вообще прячутся со своими затеями»³⁰. Слабой распространенности «Набата» было несколько причин. Мы уже отмечали некоторые из них: постоянные публичные оскорбления своих противников — лавристов и бакунистов, разного рода мистификации на революционный мотив, сомнительная слава членов кружка издателей. К тому же П. Н. Ткачев имел на этот счет своеобразный взгляд. «Я очень хорошо знаю, — говорил он, — что в России мало

кто имеет в руках «Набат», но о его существовании, о его программе, о его принципах известно было во всех почти революционных кружках. Вкривь и вкось обсуждая эту программу и эти идеи, извращая их, клеветая на них, анархисты и лавристы распространили их среди молодежи... Истинность и неопровержимость идей, проводимых в «Набате» так была для меня очевидна, что я ни минуту не сомневался в том, что они восторжествуют, что они найдут себе практическое осуществление даже в том случае, если бы он издавался лишь хоть в 10-ти экземплярах. Вот почему я не считал особенно нужным заботиться об организации средств для его распространения в России»³¹.

Если безоговорочно согласиться с этой энергичной тирадой Ткачева, тогда возникает закономерный вопрос, для чего же понадобился издателям тираж в 1500 экземпляров³². Очевидно, они рассчитывали все же расширить число своих адептов в России и, более того, действовали в этом направлении. Однако русская революционная молодежь, в большинстве своем состоящая из последователей Лаврова и Бакунина, проникнутая аполитизмом эпохи, в массе своей отвергла призывы «Набата». Она не была еще готова к восприятию идеи политической борьбы, а в том виде, как ее пропагандировал «Набат», эта идея не была принята и в последующие годы.

Но все же сочувствующие и прямые последователи «Набата» в России были. На это указывали видные участники революционного движения: Дейч, Плеханов, Попов, Русанов и др.³³. В бытность свою в эмиграции с редакцией «Набата» был связан В. П. Обнорский. Набатовцы готовили для рабочих специальный орган, который, однако, не появился в свет³⁴. Осенью 1876 года участвовали в наборе «Набата» Г. Ф. Чернявская и Е. Н. Южакова. В феврале 1877 г. Чернявская привезла несколько номеров «Набата» в Киев, а осенью того же года ездила в Варшаву и, получив от контрабандистов небольшой тук с номерами «Набата», привезла его в Одессу³⁵. Возможно, именно через Южакову и Чернявскую издатели установили наиболее тесные связи с южными городами России: Одессой, Николаевом, Херсоном и др. И. М. Ковальский поместил в «Набате» за 1878 г. корреспонденцию о казни в Одессе уголовного преступника Лукьянова. Е. Кушева высказывала предположение, что некоторые другие корреспонденции из Одессы также могли принадлежать Ковальскому. А тот факт, что при его аресте на квартире было най-

дено 130 номеров «Набата»³⁶, говорит о том, что между кружком Ковальского и редакцией существовали налаженные контакты.

«Но главное «гнездо» яacobинизма, а следовательно, и «набатовцев», — писал Л. Г. Дейч, — находилось тогда в Орле»³⁷. Однако в литературе на этот счет существуют противоречивые мнения. Например, Б. П. Козьмин считал, что не следует преувеличивать связь «Набата» с орловским кружком П. Г. Заичневского³⁸. Сам Заичневский значительно расходился с Ткачевым по многим вопросам. К примеру, он допускал возможность союза с либералами, не отвергал конституционные требования. В этом кружке, как известно, наиболее заметную роль играли сестры Оловенниковы, особенно будущая видная народоволка М. Н. Оловенникова-Ошанина. В Орле она была в дружеских отношениях с упомянутым выше М. Н. Шрейдером (Френком) до бегства его за границу³⁹. Отсюда возникало вполне вероятное предположение, что Шрейдер не замедлил связать редакцию «Набата» с Орлом. В донесении III отделению от 17 декабря 1876 г. Молчанов сообщал, что К. Яницкий находится в настоящее время в России и пишет письма в Женеву за подписью «Ваш брат», в иных письмах он выступает как бы от имени женщины и называется «Марьей Николаевной»⁴⁰. Но ведь именно таким был многолетний партийный псевдоним М. Н. Ошаниной. Не следует ли из этого, что агент ошибочно объединил в одном лице двух разных корреспондентов — К. Яницкого («Ваш брат») и М. Н. Оловенникову-Ошанину («Марья Николаевна»)? Надо иметь в виду и то, что Г. Ф. Чернявская также получила первоначальное политическое воспитание в орловском кружке П. Г. Заичневского. Таким образом, связи «Набата» с Орлом могли быть прочными и постоянными, однако, учитывая архиконспиративность обеих сторон, об этом сохранились чрезвычайно скудные сведения.

Кое-какие данные говорят о том, что сторонники «Набата» были и в столице империи. Например, неизвестный автор перлюстрированного письма писал некоему Петру Степанову в Неаполь от 13 марта 1878 г.: «За последнее время здесь народился новый «кружок последователей «Набата» — нечто вроде яacobинцев; у этих совершенно определенные цели и даже средства...»⁴¹.

Еще больше неясностей и противоречивых суждений во круг так называемого «Общества народного освобождения», созданного при редакции «Набата». Инициатором и вдохно-

вителем его был Турский. По свидетельству того же Молчанова, именно он руководил всеми связями с русскими кружками, придерживавшимися набатовской ориентации⁴². «Общество», как и сама редакция, имело свою печать, объявляло мифические распоряжения, признавало действительными только мандаты за этой печатью и подписью Турского. Справедливо заметил А. Я. Киперман: «Во всех этих распоряжениях нетрудно угадать знакомый почерк и порядки Нечаева»⁴³. Исследовательница истории «Общества» Е. Н. Кушева отнесла время его создания к 1877 г.⁴⁴. Добавим от себя, что правильнее будет назвать вторую половину или конец этого года. Первое заявление «Общества» опубликовано в книжке «Набата» за вторую половину 1877 г. и первую половину 1878 г., тогда как в единственном сдвоенном номере за 1877 г. о нем еще нет никаких упоминаний.

Б. Н. Николаевский считал, что «Общество народного освобождения» имело связи в Орле и на Юге России, в него якобы входили Ковальский, Южакова, Юрковский, Обнорский, Морозов⁴⁵. А. Я. Киперман со ссылкой на Б. П. Козьмина весьма скептически относится к самому факту существования и какой-либо деятельности «Общества», называя его «загадочным», «эффемерным»⁴⁶. Однако тот же Б. П. Козьмин говорил при обсуждении доклада Е. Кушевой на заседании секции Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев 16 марта 1931 г.: «Общество несомненно существовало и какие-то связи с Россией имело». Здесь же С. Н. Валк заметил, что «Общество» проводило свои идеи через «Набат». Правда, присутствовавшие на этом заседании В. Н. Фигнер, А. В. Якимова и М. П. Шебалин отрицали факт существования «Общества»⁴⁷. На наш взгляд, «Общество народного освобождения», конечно же, было создано, порукой тому служит вся деятельность Турского в стиле à la Нечаев. Другое дело, что оно не могло (и не могло уже в условиях 1877—1878 гг.) развернуть сколько-нибудь широкую деятельность, привлечь в России большое число единомышленников. Оно имело более бутафорский характер, нежели революционную значимость.

«Общество народного освобождения» окончательно оскандалилось и потеряло даже тот кредит, которым оно располагало в некоторой части русских революционеров, после опубликования в «Набате» претенциозных заявлений о том, что начавшиеся в России вооруженные акты — дело рук «Общества». Возмущению в революционной среде не было предела. В № 8—9 «Общины» появилась заметка «Необходи-

мое разъяснение» за подписью Бохановского, Дейча, Засуллич, Кравчинского, Стефановича. Они заявляли: «У русских социалистов-революционеров ни с издателями «Набата», ни с теориями, которые они проводят, ничего общего быть не может». В том же номере «Общины» Л. Г. Дейч в пылу полемики назвал «Набат» «органом несуществующих в России якобинцев»⁴⁸. Чем же ответили на это Турский и К^о? Они поместили в № 1—2 «Набата» невразумительный ответ «Несколько слов по поводу «Необходимого разъяснения», в котором умышленно ушли от существа вопроса, заявив: «А проявило ли себя в чем общество народного освобождения, говорить здесь считаем неуместным. Печатно поднимать эти вопросы — сознательно или несознательно содействовать врагам». Здесь все было поставлено с ног на голову. Дескать, подписавшие письмо в «Общине» хотели порисоваться перед III отделением, а «Набат» все же первым начал пропагандировать террор.

Мы уделили «Обществу народного освобождения» столь значительное внимание, во-первых, потому что его существование самым тесным образом связано с изданием «Набата», во-вторых, как ясно из всего сказанного выше, его история вызывала и вызывает много взаимомисключающих друг друга суждений. В данном случае А. Я. Киперман прав, что она «требует специального изучения»⁴⁹. Заметим, однако, что «Общество» в организационном плане меньше всего нужно связывать с П. Н. Ткачевым. Скорее всего Ткачев терпел это предприятие Турского по той причине, что последний был изворотлив по части добывания денежных средств. Таким образом, желая продолжения «Набата» и пропаганды своих идей, Ткачев был в определенной степени зависим от Турского.

В начале 1880 г. набатовцы сделали еще одну попытку стать партией поистине общероссийского значения: они пытались объединиться с «Народной волей» при посредничестве Н. А. Морозова. Не только Турский, но и Ткачев связывали успехи землевольцев и народовольцев с пропагандой и агитацией «Набата». Торжество своих идей П. Н. Ткачев видел в образовании «Народной воли», программе Липецкого съезда и «в целом ряде удачных и неудачных покушений»⁵⁰. Поэтому идейное и организационное объединение с народовольцами выглядело весьма привлекательным. Набатовцы вели речь об издании общего органа, предлагали на это дело свои деньги. В редакцию его (из трех человек) должен быть, по их планам,

принят Ткачев. «Набат» должен объявить о своем закрытии и присоединении к «Народной воле». Или хотя бы на первых порах народовольцы заявили, что они «ничего не имеют против» объединения⁵¹.

Однако «Народной воле» был чужд терроризм как самодовлеющая идея, т. е. в том виде, в каком по преимуществу он выразился в последние годы издания «Набата». В начале мая 1880 г. Морозов получил из Петербурга огорчительное письмо с неудовлетворительными отзывами о Ткачеве. В письме последнему от 8 мая того же года Н. А. Морозов объясняет это старыми предрассудками и выражает уверенность в том, что со временем между Ткачевым и «Народной волей» установятся хорошие отношения. Словно бы в успокоение Ткачева Морозов писал: «Вы знаете, что я в довольно значительной степени расхожусь с программой «Народной воли». Я, например, не вижу пользы в требовании Земского собора или Учредительного собрания и думаю, что при теперешних условиях народной жизни он приведет только к санкциям самодержавия, будет новым плебисцитом»⁵².

Но надежды Морозова на сговорчивость и покладистость своих товарищей по «Народной воле» не оправдались. «Анабаптистам передай, — писал ему 25 мая 1880 г. Л. А. Тихомиров, — весьма благодарны за предложение, но в настоящее время в деньгах особенной надобности не имеем, заведение наше (типография — И. В.) почти готово, совместную редакцию во всяком случае считаем неудобной, принципиальных уступок никаких сделать не можем»⁵³. Что касается временных соглашений, добавлял Тихомиров, то надо лучше ознакомиться с их программами, узнать чего они хотят. Но это, как заметил С. Н. Валк, была дипломатия, тут же Тихомиров лично Морозову добавлял, что денежные дела плохи, и они за высылку денег будут благодарны. Вопрос, как говорится, был исчерпан.

Теперь обратимся непосредственно к характеристике направления «Набата» и кратко к анализу содержания. Но прежде укажем хронологию выхода его в свет. «Набат» издавался с 1875 по 1881 г. Однако правильно выпускался журнал только в течение первого года. В 1875—1876 гг. вышло 13 номеров с учетом первого «пробного» номера. В 1877 г. появился лишь один сдвоенный номер. В следующем году вместо журнала вышла одна книга в 200 страниц с подзаголовком: «Орган русских революционеров». В 1879 г. был выпущен один сдвоенный и один строенный номер, а в 1880 г.

журнал не появился совсем. В 1881 г. издавался в форме газеты, в течение года вышли последние четыре номера. «Набат» печатался в Женеве. Активная редакторская деятельность Ткачева продолжалась до конца 1876 г. — середины 1877 г. В июле этого года в число редакторов вошел П. В. Григорьев. Хотя формально Ткачев продолжал считаться редактором, но постепенно в 1878—1879 гг. он отходит от дел журнала. Однако Григорьев был короткое время в числе редакторов. В последний год в форме газеты «Набат» издавался под редакторством Г. Турского и короткое время Н. А. Морозова, номинально в числе редакторов был указан и Ткачев. Но фактически в 1881 г. газету вел почти единолично Турский.

В «пробном» номере была опубликована программа журнала, очерчено его направление и определены названия отделов, подразделов и рубрик. «Состав журнала», по выражению редакции, планировался следующий: 1. Передовые статьи программного характера; 2. Отдел «Россия», включающий социально-политические вопросы русской жизни и текущей информации; 3. Отдел фельетонов по истории революционных движений, заговоров и тайных обществ; 4. Заграничное обозрение и 5. Критико-библиографическое обозрение. Как видим, структура «Набата» была продумана хорошо и профессионально. В этом видна опытная рука П. Н. Ткачева. «Однако несомненно, — замечал Б. П. Козьмин, — что при выработке программы журнала Ткачеву приходилось считаться с мнениями других сотрудников «Набата». В какой мере их участие в составлении программы отразилось на ее содержании, неизвестно»⁵⁴. Не погрешая истиной, можно с уверенностью сказать только, что это «участие» было направлено в сторону крайнего антагонизма с другими революционными течениями и усиления бланкистских стремлений. Надо иметь в виду упомянутую выше абсолютную денежную зависимость Ткачева от Турского и его предприятий.

Программа «Набата», как было замечено выше, была прямым продолжением брошюры «Задачи революционной пропаганды в России». Только в данном случае мысли Ткачева были выражены более четко и строго, прибавилось непримиримости к Лаврову и Бакунину. Время бить «в набат!», писал Ткачев, потому что «огонь экономического прогресса уже коснулся коренных основ нашей народной жизни», развивается капитализм, а вместе с ним и буржуазия, которая подбирается к государственной власти. Пора действовать,

пока слабо правительство, пропустить этот момент — «значит добровольно отсрочить возможность социальной революции надолго, — быть может, навсегда»⁵⁵. Довольно толковать о «подготовлении» революции. «Подготавливать революцию — это совсем не дело революционера». Ее подготавливает весь эксплуататорский строй. Задача революционера — «делать революцию». «Анархия, — писал Ткачев, — как ближайшая, непосредственная цель революции, пропаганда — как практическое средство для ее осуществления и, наконец, организация без дисциплины, и иерархии, и подчиненности, — разве все это не фактические утопии, не ребяческие мечты? А между тем вне этих мечтаний наша заграничная пресса не видит ничего реального, она влюблена в свои утопии и навязывает их молодежи»⁵⁶.

«В чем должна состоять ближайшая, практически-достижимая цель революции?» — спрашивал Ткачев. Надо стремиться к тому, «чтобы овладеть правительственной властью и превратить данное, консервативное государство в государство революционное»⁵⁷. (выделено Ткачевым. — И. В.) Если заграничная пресса призывает только к разрушению власти, она действует антиреволюционно.

«Итак, — говорил Ткачев, — ближайшая цель революции должна заключаться в захвате политической власти, в создании революционного государства. Но захват власти, являясь необходимым условием революции, не есть еще революция. Это только ее прелюдия. Революция осуществляется революционным государством, которое, с одной стороны, борется и уничтожает консервативные и реакционные элементы общества, упраздняет все те учреждения, которые препятствуют установлению равенства и братства; с другой — вводит в жизнь учреждения, благоприятствующие их развитию. Таким образом, деятельность революционного государства должна быть двоякая: революционно-разрушительная и революционно-устроительная»⁵⁸. Мы привели эту большую цитату потому, что в ней выражена квинтэссенция системы взглядов Ткачева.

Осуществление революции «всего легче и удобнее посредством государственного заговора». Но этот последний невозможен без «дисциплинированной организации революционных сил». Нужно создать организацию, построенную «на централизации власти» — это будет тип «боевой организации». Много позднее, в статье «Что же теперь делать?» в № 3—5 за 1879 г., Ткачев сконцентрировал свои мысли

следующим образом: «*Организация как средство, терроризирование, дезорганизирование и уничтожение существующей правительственной власти как ближайшая, насущнейшая цель* (выделено П. Т.) — такова должна быть в настоящее время единственная программа деятельности всех революционеров»⁵⁹.

В статье «Итоги», опубликованной в первом номере «Набата», Ткачев стремился на примере «хождения в народ» доказать, к каким плачевным последствиям приводит отсутствие централизованной организации. Разрозненные в своих действиях революционеры становятся легкой добычей полиции. Что же касается самих целей «хождения», то Ткачев с едким сарказмом писал: «Ведь об нас нельзя даже сказать, чтобы мы занимались непосредственно *подготовлением революции*; нет, то, что мы делали, это было какое-то *подготовление к подготовке к подготовке революции!*»⁶⁰ (выделено П. Т.). Эти мысли передовой статьи номера подкреплялись корреспонденцией «Впечатления пропагандиста», где говорилось о том, что крестьянство «фаталистически консервативно», разрознено, солидарность отсутствует как в селах, так и на фабриках, а «где нет солидарности, там нет сознания и воли»⁶¹. Такой взгляд на результаты «хождения в народ» был, разумеется, не вполне объективным, хотя не был лишен и справедливости. Правоверным бакунистам и лавристам, организаторам и участникам этого исторического акта, он, естественно, не понравился. М. А. Натансон писал В. Н. Смирнову из Кенигсберга в Лондон 14 января 1876 г.: «Статья «Итоги» в «Набате» написана ужасно подло...»⁶² Надо им ответить, предлагал Натансон и сообщал тут же, что такая статья готовится. Однако ответа во «Вперед!» не появилось. Тому причиной было нежелание П. Л. Лаврова продолжать открытую полемику. В эти же дни, 6 января, он писал Г. А. Лопатину: «Набат» составлен ловко; против него я писать не буду, но в *общих* (выделено П. Л.) статьях о якобинцах скажу»⁶³.

Ткачев же почти в каждой статье обрушивается на своих идейных противников, называя их не иначе как «революционеры-реакционеры». Это обстоятельство было отмечено даже в жандармском обзоре «Набата»: «газета наполнена по преимуществу полемическими статьями, направленными против анархистов, федералистов и лавристов или впередовцев»⁶⁴. Против Бакунина и принципов анархизма Ткачев со всей определенностью высказался в серии статей «Анархия мыс-

ли» и «Анархическое государство», «Накануне и на другой день революции»⁶⁵. Он указывал Бакунину, что его призывы к бунту и организация крестьянских восстаний предполагает уже элемент власти, стало быть, анархическое учение в корне противоречиво. Рассматривая книгу П. Л. Лаврова «Государственный элемент в будущем обществе», Ткачев торжественно констатировал тот факт, что его идейные антагонисты вынуждены признать как непреложную истину необходимость организации революционной власти⁶⁶.

Укажем здесь на одну характерную особенность П. Н. Ткачева как публициста и редактора «Набата». Ратуя на словах за объединение всех течений русского революционного движения, в пылу полемики он легко и скоро переходил на недозволенный полемический тон, чем практически перечеркивал всякую возможность объединения. В этом смысле выгодно отличались П. Л. Лавров и «Вперед!» Для полноты картины еще раз процитируем Лаврова, чтобы яснее представлялась его позиция: «...раздражительная полемика есть, на мой взгляд, не только вред с точки зрения социально-революционного товарищества, она еще — ошибка, так как, раздражая самолюбие, она мешает многим приступить к той группе, которая пользуется этим оружием»⁶⁷. Лавров умел заметить и положительные качества своего идейного противника. Например, в феврале 1876 г. он писал в письме Лопатину: «Набат», конечно, ругается. Здесь (в Лондоне. — И. В.) он встречен со всеобщим неудовольствием, хотя, по правде сказать, ничего себе газетка»⁶⁸.

В статьях П. Н. Ткачева и других материалах «Набата», несомненно, главным достоинством была пропаганда идеи политической борьбы и централизма в революционной организации. Л. Г. Дейч отмечал, что в этом смысле Ткачев «обнаружил куда большую дальновидность, чем мы все»⁶⁹. Имея в виду именно эти заслуги своего журнала, Ткачев писал: «Набат» в пределах возможности вполне выполнил свою задачу и выполнил ее вполне удачно. Он оказал неоценимую услугу развитию революционного дела, он в значительной степени содействовал выработке того нового направления революционной деятельности, которое дало в последнее время такие плодотворные практические результаты»⁷⁰.

Но если принимать эти рассуждения только априорно, то легко впасть в ошибку. Слов нет, в переходе русского революционного движения к политической борьбе есть и немалая заслуга «Набата». Однако на первое место все же следует

поставить коллективную мысль и опыт сотен и тысяч русских революционеров (многие из которых, как известно, были далеко не рядовыми и в теоретическом отношении), прошедших в 1874—1879 гг. подлинные университеты политической борьбы. «Хождение в народ», поселения в деревне, судебные процессы, репрессии правительства, гибель товарищей — это и многое другое способствовало выработке идеи политической борьбы и централизации. К тому же сама эта идея развивалась в революционных организациях далеко не по Ткачеву. Камнем преткновения в данном случае являлось отрицание Ткачевым революционности народных масс, в первую очередь крестьянства: «Мы должны навсегда вычеркнуть из своего словаря пошлые и бессмысленные фразы о каком-то народном гении... (выделено П. Т.). Мы не должны, мы не имеем права возлагать на народ чересчур больших надежд и упований»⁷¹.

Однако надо заметить следующий любопытный факт. «Набат» не всегда следовал своей ортодоксальной доктрине. В некоторых корреспонденциях явно просматривается противоречие с главной линией. С этой точки зрения весьма интересна корреспонденция «Из Белоруссии» в № 2—3 за 1876 г. Автор утверждал, что в силу крайне бедственного положения трудящегося народа в крае, он здесь даже более революционен, чем великорусс. «Поднимись нынче Белоруссия... это будет страшная армия в руках хорошего предводителя...» «Не поручусь за то, чтобы народ сам не восстал, ежели даже наша революционная партия опоздает организовать революцию...»⁷². Корреспондент заключал, что если предстоящим летом снова будет засуха, а за ней голод, то «не обойдется без бунта». То же самое отмечалось в корреспонденции из Пскова в майском номере за 1876 г. Погибли посевы, крестьяне голодают. «Они до такой степени ожесточены, что достаточно одной искры (пустого какого-нибудь слуха), чтобы заставить их взяться за колья»⁷³. В Подольской губернии среди крестьян распространяются слухи о переделе земли, что создает хорошую почву для бунтов. Волнения крестьян становятся все интенсивнее и надо этим пользоваться для революционных целей. «Но не может быть и речи, — писал в заключение корреспондент (или редакция?), — об искусственном возбуждении бунта громадных масс народа, потому что оно невозможно!»⁷⁴.

Как видим, здесь много несовместимых противоречий, вплоть до чистого бакунизма: «достаточно одной искры...» И

тут же вывод о невозможности искусственного возбуждения бунта. Как это объяснить? Очевидно, редакция стремилась как-то сгладить неблагоприятное впечатление, произведенное крайними высказываниями об апатичности народных масс к революции. К тому же ей не хотелось терять и без того редких корреспондентов в России. Конечно, это надо рассматривать не иначе как исключение из правила, и такие корреспонденции не могли поколебать бланкистскую платформу «Набата» в целом. Они скорее служили иллюстрацией к основному тезису «Набата»: Россия готова к революции и надо ее «делать», ибо «промедление смерти подобно».

Поэтому неудивительно, что редакция журнала с воодушевлением встречала любые проявления активной борьбы. Например, ряд материалов был посвящен Казанской демонстрации 6 декабря 1876 г. В статье «Решительный шаг» отмечалось: «...мы радостно приветствуем Казанскую демонстрацию и от души желаем, чтобы она не осталась единичным фактом. Факты, подобные этой демонстрации, будят, расшевеливают общество и создают ту революционную атмосферу, при которой спорится всякое революционное дело!»⁷⁵. В другом же месте редакция высказывала сожаление о том, что этот политический акт не принял характера вооруженной борьбы⁷⁶. Кстати сказать, в данном случае набатовцы всецело расходились с П. Г. Заичневским, который, как известно, специально ездил из Орла в Петербург, чтобы отговорить радикальную молодежь от этого выступления. «Набат» же, по мере развертывания революционного движения в России, уделял вооруженным акциям все большее и большее внимание. Много материалов было посвящено В. И. Засулич, И. М. Ковальскому, убийству шпионов. В последний же 1881 год издания «Набат» превратился под руководством Г. Турского в орган самого крайнего терроризма. Сама идея так понимаемой политической борьбы превратилась в пустой фарс. Теория и практика «Земли и воли» и «Народной воли» переросли программу «Набата».

Как и другие эмигрантские издания, «Набат» постоянно вел хронику революционного движения в России, где публиковались материалы об арестах, обысках, судебных процессах и т.д. Много внимания уделялось в журнале и международному революционному движению. Причем все эти материалы были подчинены задачам политической борьбы и принципам построения тайной революционной организации. Развенчивая анархистов-федералистов, а также германскую со-

циал-демократию, редакция стремилась поставить в образец героев тайных заговоров и обществ, публикуя из номера в номер очерки истории этих обществ. Ее подлинным кумиром был Бланки.

Несмотря на столь характерные особенности программно-го направления, а то и недопустимые, с точки зрения революционной эмиграции, выступления, «Набат» сыграл видную историческую роль. Без него нельзя представить русскую революционно-демократическую журналистику 70—80-х годов. Яркая выраженная специфика «Набата» стала необходимым дополнением всей вольной эмигрантской литературы. В журнале окончательно оформился и выработал новые яркие грани выдающийся публицистический талант П. Н. Ткачева. Наконец, и это главное, «Набат» достаточно поработал для того, чтобы русская молодежь второй половины семидесятых годов освободилась от иллюзий аполитизма.

Издания землевольческого направления

Как организация, так и газета «Земля и воля» были в центре всех революционных событий конца 1878 — середины 1879 гг. Идеи и деятельность землевольцев занимали доминирующее положение. Влияние землевольческих идей было весьма значительным и до и после выпуска газеты «Земля и воля». Мы находим возможным, разумеется с известными оговорками, причислить газеты «Начало» и, в особенности, «Черный Передел» к землевольческому направлению. Помимо идейной близости этих изданий, совершенно четко прослеживается и общность организационных связей. Более всего это касается «Черного Передела», хотя, как увидим ниже, влияние землевольцев распространялось и на издателей газеты «Начало». Во всяком случае, издание последней осуществлялось под заметным патронатом «Земли и воли» и даже при определенной ее помощи.

§ 1. «Начало»

К 1878 году русское революционное движение прошло серьезные и трудные испытания. В революционных кружках и группах шла напряженная теоретическая и организаторская работа. Со всей определенностью и необходимостью встал вопрос о создании единого центра, и эта идея завоевывала все большее число сторонников. Первые шаги и действия «Земли и воли» свидетельствовали о том, что революционное движение в смысле организации и концентрации его находится на правильном пути.

Эти процессы не могли не отразиться и на русской нелегальной печати. Различие в программах эмигрантских изданий, дробление сил и средств, частые провалы транспортов литературы и гибель большого количества экземпляров при арестах в России — эти и другие причины вызвали переоценку всей постановки дела вольной печати. Как отмечала В. Н. Фигнер, «зарубежная революционная литература уже пере-